

За содружество искусств!

Богата и многообразна наша жизнь, жизнь народа, строящего коммунизм. Отразить ее в художественных образах, глубоко проникнуть в духовный мир человека, показать, как в борьбе со старым, отживающим утверждается новое, раскрыть поэзию творческого труда, величественные перспективы коммунистического строительства — таково высокое призвание советского искусства.

Писатель, живописец, композитор, актер... Оружие писателя — слово, кистью утверждает свой идеал художник, музыкой воздействует на слушателя композитор, — но между ними есть общее, есть то, что роднит, объединяет их. Только усилием всех художников, при условии плодотворного развития всех видов искусства можно полно и глубоко отразить нашу действительность.

«Художественная литература, как и все другие виды искусства, призвана вдохновлять советских людей на творческий труд и на преодоление всех имеющихся на этом пути трудностей и недостатков, на великое дело построения коммунизма». Так определена общая задача всего советского искусства в приветствии ЦЕ КПСС Второму всесоюзному съезду писателей. И эта общность задач требует от работников искусства внутренней связи, творческой дружбы, основанной на строгой взаимной требовательности.

Передовое русское искусство всегда развивалось в содружестве его различных представителей. Можно вспомнить примеры постоянного творческого общения композитора «Могучей кучки», художников-передвижников и вдохновенного Стасова, друзей Чехова и Левитана, Мусоргского и Репина, Льва Толстого и Гле...

Каждое не стоит доказывать, как духовно обогащает художников знание всех искусств, как помогает им это знание решать свои специфические задачи, как, в сущности, неразделимы, взаимосвязаны, как дополняют друг друга все искусства. Ведь не напрасно архитектуру называют зачатый музыкой, а музыка и живопись добиваются наивысших достижений, когда они сюжетны и повествовательны. Тысячи произведений литературы оплодотворили глубоким содержанием полотна художника, вдохновляли композиторов на создание симфонических, камерных, вокальных произведений. И, наоборот, литература многим обязана живописи и музыке. Если в произведении иного писателя нет объема, пространства, не чувствуется воздуха, а есть плоскостность, невыразительность описательства, — это значит, что он не умеет видеть, как живописец, и слышать, как музыкант.

Однако надо признать, что не преодолены еще разрывы между писателем, живописцем, музыкантом, разобщенность, которая тормозит развитие художественного творчества. Конечно, в работе над оперой или легкой встречает композитор и поэт; график иллюстрирует произведения писателей. Но хочется повести речь не о сотрудничестве таких друг друга дополняющих художников, а о широкой, взаимообогащающей творческой дружбе всех художников страны. И разговор этот приобретает особое значение, когда мы вспоминаем о недавнем съезде писателей, думаем о том, что скоро на свои съезды соберутся художники, композиторы, архитекторы. Все виды искусств участвуют в великом деле идейно-эстетического воспитания народа. И народ ждет от своих художников глубоких, волнующих реалистических произведений, отражающих правду жизни. Пытливое изучение жизни, обобщение явлений действительности в образах, совершенствование художественного мастерства — это задачи, общие для всех искусств.

В решении важнейших задач искусства огромная роль принадлежит нашим творческим союзам. Они призваны заботиться о том, чтобы крепло и развивалось содружество всех видов советского искусства.

У нашего искусства не только общие задачи, но порой и общие трудности. Между тем нередко обсуждение больших творческих проблем идет разобщенно. Недавно на страницах газет и журналов проходила широкая творческая дискуссия об образе положительного героя в советской литературе. В ней приняли участие писатели, драматурги, поэты, литературоведы и критики, многие читатели. Обсуждали эту проблему и художники, но только в своем узком кругу. А у композиторов дискуссия о герое нашего времени как будто и вовсе не вызвала интереса. А раз-

решена проблема положительного героя в оперной драматургии и в песне? Наши художники должны бороться за многообразие всех жанров искусства.

У нас мало произведений обличительных, острых, зло бичующих пороки и недостатки. Однако, когда мы критикуем, скажем, «Раки» С. Михалкова или «Не называя фамилий» В. Минко, то обсуждаем проблемы сатиры и гротеска только в литературе. Но вот были сделаны заявки на сатирическое решение темы в живописи, например, в картине А. Китаева «Родное дитя на периферии!!!». И что же, критики ограничивались единичными осуждениями картины за прямолинейность художественного решения темы. А стоило, снова возвратясь к разговору о гротеске и сатире уже в другой области искусства, попытаться обратиться к общим вопросам нашего сатирического искусства.

Таких примеров можно привести множество, и все они говорят об отсутствии подлинной творческой взаимосвязи между разными видами искусства, о том, что нет постоянного общения деятелей искусств между собой. Настоящий, действенный интерес ко всему, что происходит в мире искусства, необходим каждому художнику, если он хочет расти, совершенствоваться, двигаться вперед. В искусстве нужно то общее, тот постоянный интерес, когда опытный художник живо откликается на новое удачное стихотворение молодого поэта, а композитор не только радуется новому полному художнику, но и спешит высказать ему свое мнение, когда актер, прочитав роман писателя, стремится поговорить с автором.

И дело не только в индивидуальном, личном общении: для личной дружбы и написание правил, но продиктовать законов. Речь идет о широком интересе работников искусств к любому творчеству, об умножении их знаний, об их эрудиции.

И расширять эти знания, эти интересы надо с юных лет. Ведь именно в учебные годы, когда формируется характер художника, прочно определяются его интересы, стремления, надо пробуждать жажду больших, широких знаний. У нас есть Литературный институт, институты театральные, музыкальные и художественные, консерватории, училища. Поддерживают ли они между собой постоянную творческую дружбу? Читают ли молодые поэты свои стихи будущим музыкантам? Показывают ли студия театральные вузов свои первые работы будущим художникам? Если да, то в очень редких, исключительных случаях. И дело тут не только в плохой организации творческого общения молодых художников. Дело в случайности, недостаточности знаний молодежи в области смежных искусств. В институтах студенты получают однообразное, специальное образование, а пополняют, расширяя свой кругозор им приходится самим — в меру своих сил и возможностей.

Конечно, не следует превращать специальные институты в университеты по искусству, но минимум знаний по музыке, живописи, архитектуре, театру давать в таких институтах необходимо.

А разве многие работники искусств глубоко разбираются даже в родственном им искусстве? Не потому ли драматурги нередко терпят неудачу в работе над оперными либретто, что иные из них плохо знают и понимают музыку? Не по той ли причине среди молодых поэтов так мало пишущих стихи-песни? Не потому ли, что некоторые художники не дают себе труда глубоко понять, прочувствовать произведения писателя — его стиль, его идеи и образы, — их иллюстрации к книгам бываю выполнены перьями и неинтересно?

Облиვიенно художники разных искусств мешают и организационные неудачи, непонимая, мешающие общению работников искусств между собой. Главные из них — это замкнутость, разобщенность, союз и их творческих клубов: так, в Москве Дом композиторов не имеет связи с Домом архитекторов, этот Дом — с Домом литераторов. И хотя в порядке клубной работы в каждом доме по плану устраиваются иногда интересные творческие встречи, они носят все-таки случайный характер. Есть Центральный дом работников искусств, где должна практически осуществляться творческая взаимосвязь артистов, художников, музыкантов. Здесь бываю иногда полезные встречи, выставки, концерты. Но широкой и целеустремленной программы работы, направленной на укрепление постоянной творческой дружбы между работниками разных видов искусства, нет.

Писатель, композитор, художник, актер всегда должны быть в самой тесной, взаимообогащающей дружбе. В ней — залог дальнейших творческих успехов, дальнейшего расцвета всех искусств в нашей стране.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 109 (3454)

Вторник, 13 сентября 1955 г.

Цена 40 коп.

ПОЭТ И ЧИТАТЕЛЬ

«ДЕНЬ ПОЭЗИИ» В КНИЖНЫХ МАГАЗИНАХ МОСКВЫ

РЕПОРТАЖ

Более ста поэтов встретились в воскресенье, 11 сентября, со своими читателями в книжных магазинах Москвы. Нарядно были оформлены витрины, на книжных полках — поэтические брошюры, антологии, все, что только имелось на складах Моснигторга.

В два часа дня за прилавком, рядом с продавцами, встали поэты. Не беда, что мало книг тех, кто выступает, — есть стихи друзей, ну, а там, где и этого не хватало, читатели приносили книги из дома, чтобы получить автографы. Предчувствуя, что книг не хватит, многие спешили купить их заранее: только что открылся магазин № 57, а уже продано около ста книг.

В магазине № 2 на Мухомовой в течение пятнадцати минут распродали все экземпляры своих книг К. Симонов, М. Луконин, Е. Ефтушенко, Л. Озеров, В. Гончаров. Они же продавали стихи А. Недогонова, В. Замятина, В. Гусева, С. Гудзенко и других. А народ все подходил и подходил. Поэты, чтобы не задерживать покупателей, сами получали деньги. В магазин тесно, где уже стояли, кто-то предлагает перейти на свежий воздух, в сад МГУ.

Здесь разговор о поэзии был продолжен. На Кузнецком мосту встречи происходили в двух соседних магазинах. Гости пришли и уютно в залах магазина № 6. Многие поэты и поэмы пришли с детьми. А. Барто представляла Б. Дубровина, Э. Иодковского, В. Лифшица, Н. Соколова. Книг поэтов — участников встречи — мало, и А. Барто предлагает отдавать их только тому, кто прочтет хотя бы одно четверостишие любимого стихотворения.

Затем задавали вопросы о детской литературе, о поэзии, о работе с молодежью. Вопросы были много: где можно купить стихи, почему поэтические книжки выпускаются маленькими тиражами и в плохом оформлении, когда поэты вновь

поддержал нас, укрепил и вдохновил. Я твердо надеюсь, что инициатива столицы нашей Родины — Москвы подхватит республики и города. Иначе и не может быть!

станут за прилавком? А один малыш категорически потребовал: — Позовите сюда дядю Стену!

— Сегодня мы продали поэтических книг столько, сколько продаем обычно за целый год, — сообщает директор магазина М. Панова.

А вот рядом — в Книжной лавке писателей — и неуютно и серо. Продавцы настроены скептически.

Для чего все это затеяли, — говорит одна из продавщиц. — То, что не продано, все равно останется на полках.

Но продажа идет бойко и здесь. Сборник стихов П. Антокольского совсем нет, поэт продавал книги М. Вакана, В. Луговской, М. Алигер, А. Недогонова, Мусы Джалиля.

В одном из магазинов на 1-й Мещанской мы застали такую сцену. С растерянным видом стояла за прилавком поэтесса Ю. Друнина. Она только что закончила чтение стихов. Слушатели требуют еще стихов. Но их нет: все распродано еще утром. И вдруг звонок по телефону: в соседнем магазине, в подвале, обнаружено сто экземпляров ее сборника. Книжки были доставлены и тут же распроданы.

В магазине № 1 на улице Горького выступали С. Кирсанов, О. Колычев, М. Пустынник и Р. Рождественский, — работ хватало всем! Среди покупателей был пожилой рабочий, который рассказывал, как на Пушкинской площади торговал книгами В. Маяковский.

Хорошее дело, пора такие встречи сделать традицией, — говорит он.

Н. Рыленков, Е. Долматовский, В. Назин в магазине № 3, что на площади Свердлова, рассказывали о поэтах братских республик, о своих творческих опы-

тах, о молодых талантах. А у слушателей те же вопросы: о тиражах, об издании, о распространении поэзии.

На улице Чапаева, в магазине № 94, где выступали С. Смирнов, Е. Николаевская, В. Урин, П. Арский и В. Берестов, стихи читали и они и покупатели. Каждый читатель, выступавший с чтением стихов, получал в премию книжку. Здесь за день было продано около тысячи экземпляров нового издания произведений С. Маршала. В нотном магазине на Неглинной вместе с поэтами-песенниками выступали композиторы. В Доме книги на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, на Арбате, на Боронцовской улице, на Можайском шоссе, в поселке «ЗИС» и других магазинах выступали М. Алигер, Л. Ошанин, В. Захарченко, К. Мурзин, С. Михалков, В. Бахнов, А. Бзыменский, М. Матусовский, Н. Грибачев, Хамид Гулям, А. Кудешов, И. Сельвинский, А. Жаров, А. Яшин, Н. Доризо...

Эта первая большая встреча поэтов с покупателями явилась наглядным подтверждением того, что есть спрос на поэтов, как утверждал В. Маяковский, что поэзию у нас любят, знают, но часто книгопродавцы не умеют ее пропагандировать. Инициатива Московской секции поэтов ценна именно тем, что она доказала, насколько бесспорны все разговоры о «заговаривании поэзии». Удачный опыт 11 сентября следует бы повторить не только в Москве, но и в других городах.

Пусть станут обычным и обязательным: в каждом городе два-три раза в год проводить День поэзии! И пусть московские поэты появятся за книжными прилавками не только столичных магазинов, но и других городов, а поэты братских республик встанут за книжными прилавками в Москве.

И. БАЗАРОВА

Четыре часа на стадионе „Динамо“

ВСТРЕЧА ЛЕГКОАТЛЕТОВ ВЕЛИКОБРИТАНИИ, СЕВЕРНОЙ ИРЛАНДИИ И СССР

Матч, состоявшийся в минувшее воскресенье на стадионе «Динамо» между английскими и советскими легкоатлетами, принес победу нашим спортсменам со счетом 220 : 141. В двадцати четырех номерах программы впервые были легкоатлеты СССР, а в семи — легкоатлеты Великобритании и Северной Ирландии.

И все же победа была не такой легкой, как может показаться на первый взгляд. Матч продолжался более четырех часов. В течение всего этого времени зрители были захвачены на редкость напряженной, красивой, а временами просто драматической борьбой. В ряде видов легкой атлетики, в которых гости не удавалось добиться преимуществ, они оказали самое серьезное сопротивление.

Кристофер Чатауэй после бега на 5000 метров прочно завоевал любовь советских зрителей, как и первоклассная спортсменка Телма Холкинс, удивительно точно и изящно преодолевшая высоту 1 метр 70 сантиметров. Под бурное одобрение зрителей бежал трехкилометровую дистанцию с прелестными Джон Дилэй. Можно назвать еще ряд английских спортсменов, выступление которых доставили истинное наслаждение.

Не рассказывая о всем ходе матча, коснемся только двух его моментов, которые, по общему признанию, были наиболее драматическими.

Владимир Куц вышел на старт десятикилометровой дистанции с намерением, как видно, показать рекордное время. Как всегда, верный своей тактике, он сразу вырвался вперед и взял на себя роль лидера. Его преследовал Гордон Пирри и Кеннет Норрис. Придерживаясь своей, принятой в Англии, тактики, наступал ему на пятки. Это продолжалось довольно долго, пока во второй половине дистанции Куц не сделал сильный рывок, чтобы уйти от «преследователей». Но они быстро восстановили положение: Куц уступал бег — они тоже; он замедлял бег — они делали то же самое.

И вдруг, — это было впервые в спортивной биографии Куца, — он перешел на вторую дорожку, уступив первую англичанам; выйдя, мол, вперед, лидирует, потрудитесь сами. Гости сначала отказались от предложенного лидерства, но спустя короткое время рванулись вперед. Стадион ахнул. И именно в этот момент Куц сделал свой второй рывок, максимально усилил темп. Такой темп оказался не под силу англичанам. Владимир Куц блестяще финишировал. Если бы не заминка на середине дистанции, он, безусловно, улучшил бы свой всесоюзный рекорд. Результат Куца — 29 минут 8,2 секунды.

Второй удивительный момент произошел в эстафетном беге 4×400 метров. После того как Питер Хингинс опередил на первом этапе молодого бегуна Константина Грачева, англичане сохранили это преимущество. Когда на четвертом этапе чемпион Европы Ардалон Игнатьев получил эстафетную палочку, сильнейший английский бегун Дерек Джонсон был впереди не меньше чем на 15 метров. То, что сделал Игнатьев на этом последнем этапе, представлял собой спортивный подвиг. Он устремился вперед с необычайной скоростью и стал догонять Джонсона. Трудно описать, что творилось на трибунах, в общем, все потонуло в гласе радиопролетария Игнатьева почти догнал англичанина, оставшись два метра, может быть, метр, но... ленточка! Команда Великобритании выиграла девять секунд. Наши спортсмены установили новый всесоюзный рекорд — 3 минуты 9,6 секунды.

Это был четвертый рекорд, установленный за день. Несколько раньше в эстафете 3×800 метров наша женская команда в составе Аиды Лапшиной, Людмилы Лысенко и Нины Откаленко показала 6 минут 27,6 секунды — мировой рекорд! Галина Виноградова прыгнула в длину на 6 метров 28 сантиметров — новый рекорд Европы и повторение мирового. И, наконец, Георгий Ивкин улучшил всесоюзный рекорд в беге на 800 метров, который теперь равен 1 минуте 48,5 секунды. Английские спортсмены тоже добились нескольких невиданных для своей страны достижений, но они не могут быть зачтены, как рекорды Англии, так как показаны за ее пределами.

Матч на московском стадионе «Динамо», проведенный, отметим кстати, четко и организованно, вновь выявил слабые и сильные стороны обеих команд. У гостей лучшими были бегуны, значительно слабее — метатели и прыгуны. Наши легкоатлеты все еще отстают в беге на средние и длинные дистанции (В. Куц — единственное исключение), а также в прыжках в длину для мужчин и в прыжках в высоту для женщин.

Сегодня английская команда выезжает в Прагу на встречи с командой Чехословакии, завтра наши легкоатлеты вылетают в Белград. Позане обе команды вновь появятся силами в Бухаресте — на больших международных состязаниях.

Е. ИСАЕВ

Поучительный пример

Признаться, что с большим сомнением относился к этому начинанию секции поэтов. Я так и думал, что книг мы не найдем, хотя разговоры о том, что книги стихов лежат на полках, что поэзия не читают, смертельно надоело и вступать, главным образом, руководством Книгторга...

Но когда я увидел, что в магазин попасть невозможно и мне пришлось пробираться через черный ход, — я ожил, повеселев и заволновался. Повеселев не надо, потому что через несколько минут, за прилавком, понял, что мне многое не учли, ко многому не готовы. Книги, действительно, почти не было: ни книг Симонова, ни книг Ефтушенко, ни Озерова, ни басы Шаудра. Были единичные экземпляры. Меня на некоторое время выручили остатки 75-тысячного тиража книжки «Рабочий день», изданной плохо, тетрадью, с аляповатым изображением камешка на обложке. Подписывая эти несколько книжек, я добавлял: «Извините за плохое издание». И мне действительно было стыдно за Гослитиздат.

Вскоре оказалось, что делать ничего. Было тяжело и нам, и работникам магазина, и покупателям: покупатель все прибавляется, а книг нет. Очень поучительный урок для издательства: надо выпускать больше поэзии и издавать ее лучше! Поучительно и для нас: надо было заглянуть в магазин пораньше, наметить план действий. Мы растерялись перед таким напором молодежи.

Были и другие недостатки. Когда, взобравшись на прилавок, мы прились читать стихи, та часть покупателя, которая была за пределами магазина, стала четко скандировать, удивляя прохожих на Мухомовой.

— На у-лицу!

Мы работали буквально «в поте лица своего», но пришлось сдасть: чтение стихов продолжалось уже с лестницы во дворе университетской. Мне, например, пришлось труднее: я не был готов к такому большому выступлению, читал вторых, непоняв и очень недовольно поэтом собой. Другие товарищи вышли из этого испытания с честью...

Совершенно очевидно, что надо было после продажи книг предусмотреть устройство литературного вечера силами каждой бригады поэтов, заранее объявив об этом, пригласив почитателей поэзии. Вход на вечер, например, по предельной любви книги стихов с автографом поэта.

Очень изволивал меня этот солнечный день 11 сентября. Думаю, что он может стать традиционным. Наверно, лучше всего проводить его в парках культуры, где бригады поэтов могли бы работать бок о бок. Да и не приспособлены тесные помещения магазинов к таким встречам, хотя замечательные работники магазина на Мухомовой старались сделать все, что могли, чтобы этот день был памятным, — спасибо им!

Спасибо всем, кто принял участие в этом дне, принесшем отличное творческое самочувствие, уверенность, радость за поэзию и ее читателя!

Сергей ВАСИЛЬЕВ

Радость за большую поэзию

Несколько месяцев тому назад мое предложение устраивать дежурства поэтов в книжных магазинах было встречено немалым ироничским. Однако секция московских поэтов поддержала это предложение, и действительность превзошла все ожидания. День 11 сентября был настоящим праздником советской поэзии в самом лучшем, в самом высоком звучании этого слова. Во-первых, решительно сметено неверное заявление о том, что у нас не читают стихи. Их читают, любят и знают.

У меня была аудитория примерно человек в 250. Три часа в просторном помещении магазина № 90 люди стояли, буквально облекаясь, потом. Они пришли и мои и моих товарищей по бригаде читать те стихи, которые мы подчас уже забыли. Это говорит о том, что наш советский читатель следит не только за сегодняшним днем поэта, но и за всем его творческим путем. Грустно то, как сказал один из читателей, что иной раз приходится догонять и догонять до читателей, попадаешь в подвал, попадаешь к тому, по которому можно было бы скоро выйти на поверхность. Никто же по-настоящему не порекомендует не прочитать читателю.

Я люблю 11 сентября и в нескольких других магазинах, когда товарищам мой уже разошелся. А в магазинах все еще царит оцепенение.

Ну, что тут сказать? Это был действительно праздник, и те скетчины, которые не очень остроумно подшучивали над нашим начинанием, вероятно, не совсем хорошо себя чувствуют. Они не поверили в глубокий интерес советского читателя к родному искусству.

День поэзии нужно сделать традиционным. Об этом говорили все и всоуду, и особенно ярко и убедительно сказала читательница тов. Сангина в магазине, где выступала наша бригада. Удивительная вещь! Все читатели говорили о том, что книги поэтов не доходят до них, что тиражи малы, что читатель может гораздо больше купить поэтических книг, чем у нас принято думать. Говорили и справедливо говорили, что книги поэтов дороги, а дороги потому, что тиражи малы, требуются денежные и популярной библиотечной советской поэзии. Очень неслучайно отзывались читатели об оформлении книг поэтов, резко критиковали унылое однообразие обложек поэтических сборников.

Еще один момент. В такой большой, чудесной магазин, как магазин № 90 на Валуевой улице, просто не присылают стихов наших поэтов. Один читатель настойчиво спрашивал: а почему в этом магазине никогда не было, например, книги Н. Доризо? Дело в том, что при десятилетиях тиражах поэтических книг не хватает на всю нашу исполнинскую страну, а если книга поэта задерживается, то это во многом объясняется холодноватым отношением продавцов (правда, не всякий обязан любить поэзию).

День поэзии предположил даже самые радужные наши мечты. Мы слыши из своих «торговых точек» окрыленные, веселые и по-настоящему счастливые за большую советскую поэзию. Читатель

Мих. ЛУКОНИН

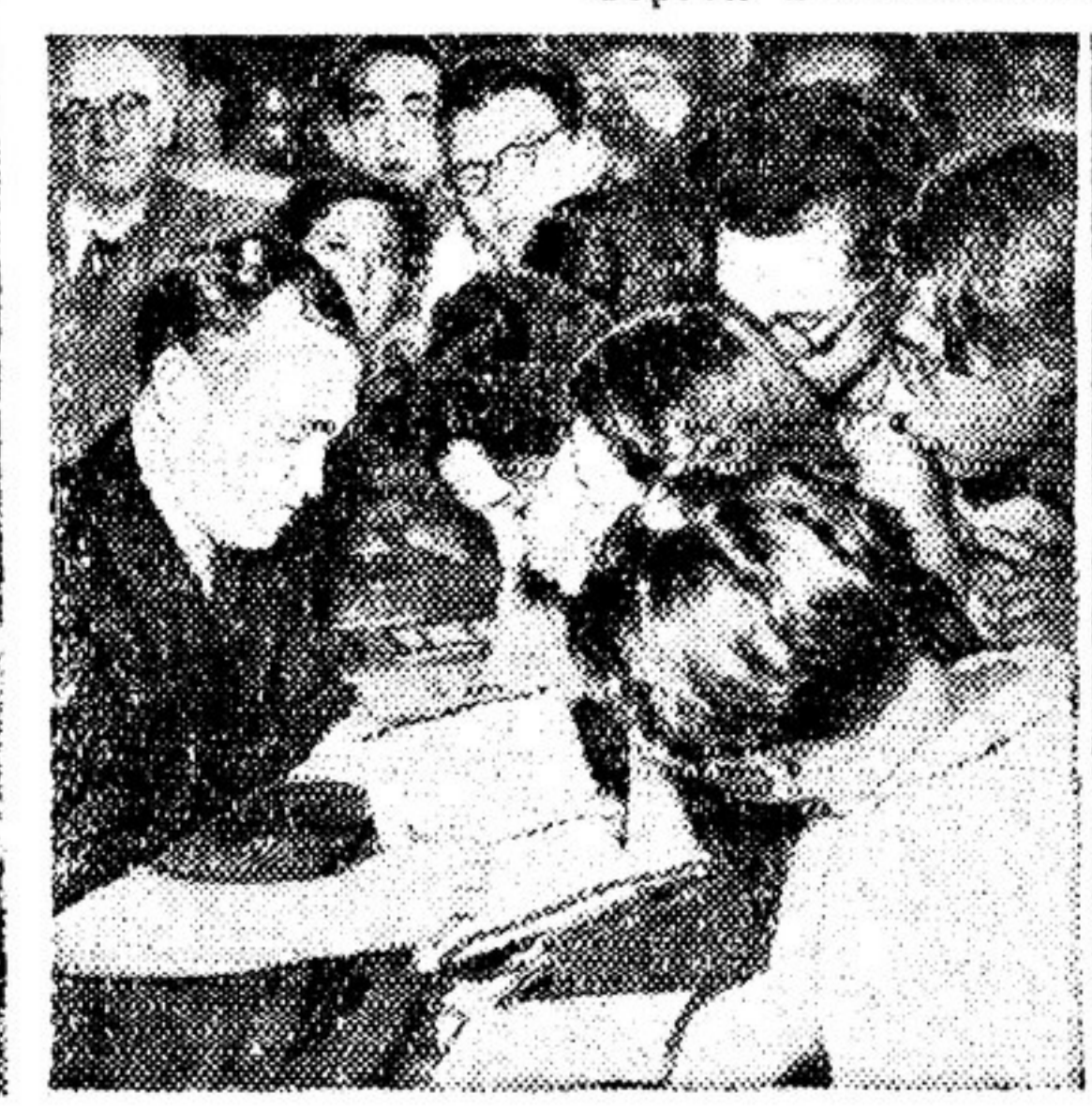
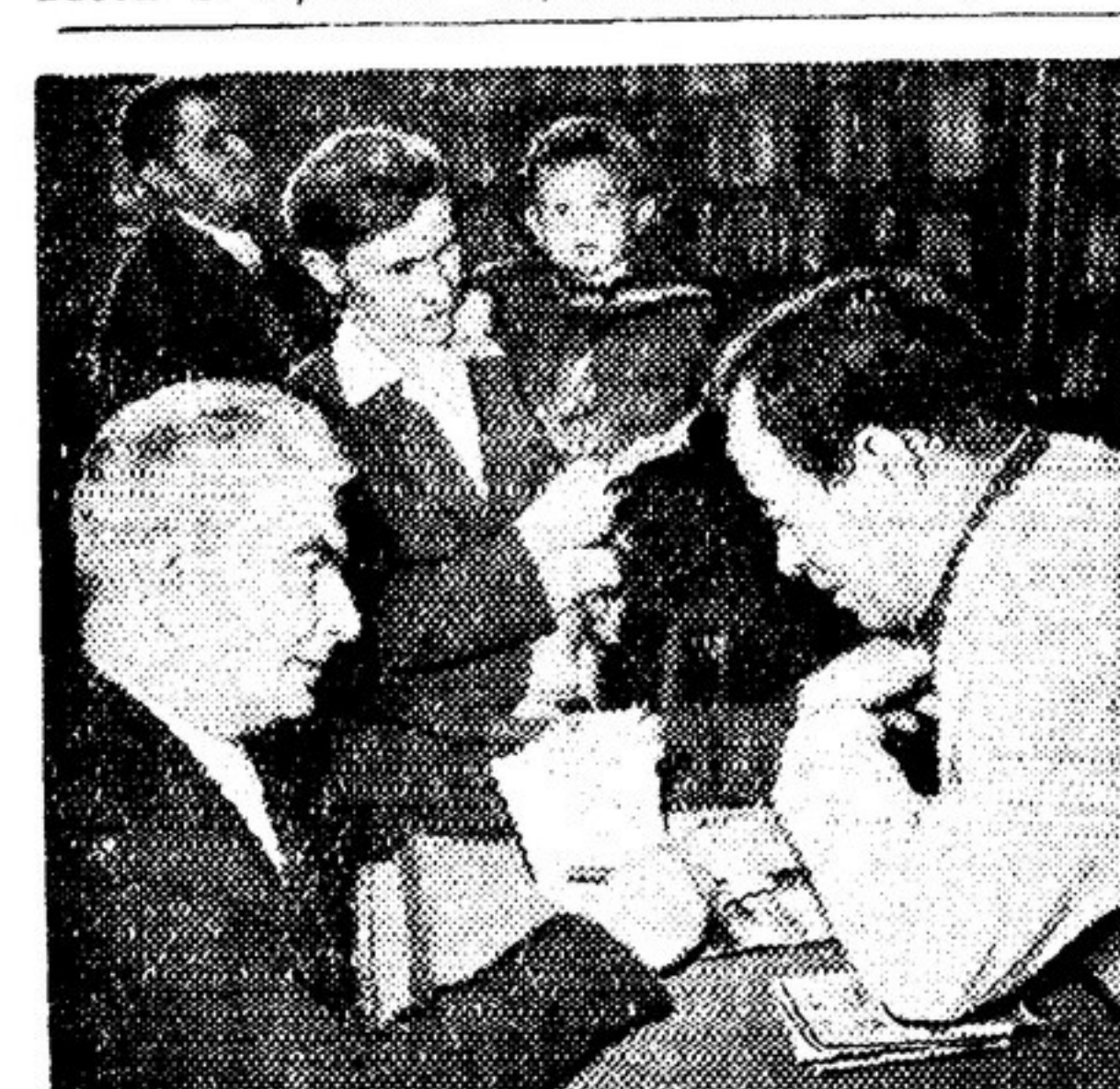
К 150-летию со дня рождения Хачатура Абовяна

Трудящиеся Армении готовятся широко отметить 150-летие со дня рождения великого армянского писателя-просветителя Хачатура Абовяна. На предприятиях и в учреждениях, в колхозах и МТС, вузах и школах проводятся лекции и доклады о жизни и творческой деятельности выдающегося писателя-демократа.

Состоялось заседание юбилейной республиканской комиссии под председательством Председателя Совета Министров Армянской ССР А. Кочияна. Решено 15 октября провести в Ереване торжественное заседание.

Институт литературы имени М. Х. Абовяна Академии наук Армянской ССР выпускает к юбилею VI и VII тома академического собрания сочинений Хачатура Абовяна. На русском и армянском языках издается роман писателя «Раны Арминии». Готовится к выпуску исследовательские труды о творчестве Х. Абовяна.

На родине писателя, в районном центре Канакер, реконструируется дом-музей. В библиотеках, заводских клубах, дворцах культуры открываются выставки, посвященные 150-летию со дня рождения писателя.

11 сентября в книжных магазинах Москвы. На снимках (слева направо): поэты В. Луговской, К. Симонов, Л. Ошанин, М. Луконин, С. Кирсанов, А. Барто среди читателей.

Фото А. ДАШНИНА

В единственном экземпляре...

Тот, кто бывал на заседаниях ХХVI съезда хирургов СССР, вероятно, помнит развернутую в фойе Колонного зала Дома союзов большую выставку отечественной хирургической аппаратуры. Там экспонировались удобные операционные столы, чудесные наборы инструментов, специальные бесшумные лампы, электронизированная и электронная аппаратура. Выставка имела огромный успех.

А через несколько дней здесь же, в Колонном зале, съезд обсудил вопрос о том, как медицинская промышленность снабжает хирургов новой техникой. И подавляющее большинство делегатов проголосовало за резолюцию, в которой сказано, что постановление предыдущего съезда хирургов об обеспечении хирургических отделений высококачественными инструментами, аппаратами и приборами выполняется медицинской промышленностью крайне неудовлетворительно.

Как же так: в фойе — отличная выставка хирургического инструментария и аппаратуры, а в зале принимается резолюция о том, что положение в этой аппаратуре из рук вон плохо? Объясняется это тем, что выставку организовали научно-исследовательские институты. Они представили на стендах то, что действительно создано творческой мыслью ученых и конструкторов. Но бед в том, что большинство этих чудес науки и техники существует пока лишь в нескольких опытных экземплярах. Для лечащих врачей они пока недоступны.

Почему же так медленно, так робко внедряются достижения медицинской науки и техники в медицинскую практику? ...Мы в Научно-исследовательском институте экспериментальной хирургической аппаратуры и инструментов. Директор института тов. Аваньев ведет нас из лаборатории в лабораторию, показывая новую аппаратуру. Вот «стальные сердца» — автотестер: пользуются им, хирург сможет на время операции, не прерывая кровообращения в организме, полностью остановить сердце. Другой аппарат — «аэлектросон»: вызываемый им сон, по мнению врачей, очень близок к физиологическому. И еще и еще...

Но ни один из этих аппаратов, — разъясняет тов. Аваньев, — не пущен пока еще в массовое производство.

И тут начинается рассказ уже не о науке, а о тех бесконечных барьерах, которые стоят на пути каждого нового достижения науки — прибора, аппарата, инструмента.

Допустим, неискушенный изобретатель-врач вошел в двери технического комитета ученого совета Министерства здравоохранения СССР. Как бы ни была интересна предлагаемая им идея, с изобретателем здесь не станут разговаривать, пока он не принесет готовый экземпляр предлагаемого им аппарата. Для многих изобретателей это весьма серьезная преграда, если учесть, что врач чаще всего не владеет техническими навыками.

Но, допустим, изобретатель, преодолев технические затруднения и затратив личные средства, все-таки принес требование. В лучшем случае, комитет решит послать изобретение в один из научно-исследовательских институтов на апробацию. И если даже готовый аппарат получит хорошую оценку, все равно в комитете снова в третий раз будут обсуждаться изобретение для того, чтобы вернуть его в тот же институт для изготовления партии пробных образцов. А пока образцы будут изготовлены, пройдет еще немало времени. Потом многих месяцев потребуют из клинические испытания. Если же выяснится, что аппарат надо доработать, то дело грозит затянуться и на год и на два: ведь у института есть свой годовой план, и включать в него доработку нового аппарата можно только в начале нового года.

Нужны ли все звенья этой длинной цепи, ведущей изобретателя к заводу?

И главное — неужели необходимо затрачивать столько времени на проверку, испытание, доработку готовых изобретений? Едва ли!

Наконец, через год-два — это еще хорошо! — аппарат получил все визы и одобрен техническим комитетом. Означает ли такое одобрение путь к жизни? Нет! Ведь у завода свои годовые планы. «Если бы в начале года, то еще можно было бы», — говорят в таких случаях директора предприятий. Им нет резона братья за новый образец; привычнее, легче выпускать прежний.

Вот и получаются, что многие образцы хирургических приборов и аппаратов, разработанных институтом, которым руководит тов. Аваньев, лежат мертвым грузом на полках, хотя их с нетерпением ожидают хирургические клиники. Тысячам врачей, специалистам по туберкулезу, нужен удобный, простой в обращении аппарат для пневмопункции. Этот аппарат, созданный Всесоюзным научно-исследовательским институтом медицинского инструментария и оборудования, еще полтора года назад был утвержден техническим комитетом. Но завод «Брянское изделие» попрежнему выпускает старую, громоздкую и неудобную конструкцию. Выпускает, несмотря на протесты института. Этот же завод, считающийся, кстати сказать, одним из лучших в системе медицинской промышленности, вот уже три года изготавливает осужденную врачами конструкцию простоскопа. А новая конструкция, разработанная еще в 1951 году, в производство не идет.

Таких примеров много. Неудивительно, поэтому, что новая аппаратура, которая после всех мытарств, наконец, доходит до клиники и больницы, порой оказывается уже устаревшей, что медицинская техника отстает от успехов хирургии, терапии, физиологии.

Однако передача работ научно-исследовательских институтов во врачебную практику тормозится не только медицинской промышленностью. Во многом виноваты и сами институты. Здесь нередко еще плохо изучают опыт смежных отраслей промышленности: электротехнической, радиотехнической и других. Очень мал объем научных исследований, лишь небольшой процент научных работников в институтах Министерства здравоохранения СССР занят разработкой новой аппаратуры. В том же Научно-исследовательском институте экспериментальной хирургической аппаратуры и инструментов плохо осваиваются опыт советской и зарубежной техники; бывают случаи, когда здесь изобретают давно изобретенное в других странах.

«Нет чистой и прикладной науки», — говорил известный советский химик академик А. Н. Бах, — есть наука и ее приложение». Над этими словами следует призадуматься руководителям технического комитета ученого совета Министерства здравоохранения СССР, которые призваны направлять техническую политику в области нашей медицины. Ученые, врачи и инженеры создают новые аппараты, добываясь таким образом приложения науки в медицинской практике. Но ведь ли проку от их деятельности, если она не достигает цели?

Итак, за год растут знания врачей-практиков, совершенствуются уже известные методы лечения, разрабатываются новые, которые прежде казались немиссиями в медицинской практике. Но ведь ли проку от их деятельности, если она не достигает цели?

Итак, за год растут знания врачей-практиков, совершенствуются уже известные методы лечения, разрабатываются новые, которые прежде казались немиссиями в медицинской практике. Но ведь ли проку от их деятельности, если она не достигает цели?

«Растущее искусство наших врачей, особенно хирургов, требует непрерывного совершенствования сложной и точной медицинской техники.

Марк ПОПОВСКИЙ

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

СТРАННОЕ СХОДСТВО

Как известно, школьники третьих классов усваивают элементы знаний по продолжению, истории и географии, пользуясь одним учебником — так называемой книгой для чтения. Таким пособием в русских школах является «Родная речь»; в украинских на протяжении ряда лет служила «Битанка», литературная часть которой была составлена на украинском материале Н. Миронюком, а географический, исторический и географический разделы переведены из «Родной речи», что и было указано на обороте титульного листа.

Несколько киевских издательств «Радыська школа» выпустило новую «Читанку» — книгу для чтения в третьем классе украинского языка. Но в ней уже нет указаний на какие-либо заимствования из «Родной речи» (или «Битанки», составленной Н. Миронюком). На титульном листе книги напечатаны фамилии составителей Л. Войниченко-Варнаковской и К. Коваленко. Что ж, очень хорошо: значит, создана новая оригинальная учебная книга. Однако, ознакомившись с ней, легко заметить, что «новизна» эта — больше чем сомнительна.

Из помещенных здесь 169 произведений большая часть целиком взята из книг, составленных Н. Миронюком и авторами «Родной речи». Больше того, при этом, без какого-либо указания на источник, скопированы не только текст произведений (рассказы, стихи, очерки), но и необходимая в учебной книге методическая обработка их: сокращение, подзаголовки, обобщенное изложение. Авторы «новой» книги полностью взяли из предыдущих изданий перевод украинского произведения, заимствовали (слова без указания фамилий действительных авторов) вопросы и задания ученикам для самостоятельной работы, которыми сопровождается большая часть текстов, объяснения трудных слов, советы для выразительного чтения, словарик, все то, что, собственно говоря, и является отличительной особенностью школьной книги для чтения, представляет собою основное содержание творческого труда ее составителя, а потому и охраняется авторским правом.

Все это, таким образом, авторы «новой» книги позаимствовали из книг своих предшественников около 60 процентов материала (по названию). Взятые даже целые рассказы, как, например, «Из прошлого нашей Родины», «Погода и климат», «Великие русские ученые и изобретатели» и др.

Казалось бы, издательство «Радыська школа», в котором вышли и та и другая книги, должно было указать Т. Войниченку-Варнаковской и К. Коваленку, что никому не разрешается столь беззастенчиво пользоваться результатами чужого труда. Но, может быть, издательство это не замечало?

Всякое сомнение на этот счет рассеивается тем обстоятельством, что у обеих книг один и тот же редактор И. Холдировский, фамилия которого значится и на «Битанке» Н. Миронюка, и на «Читанке» Т. Войниченко-Варнаковской и К. Коваленко; уж он-то никак не мог не заметить более чем странное сходство редактируемого им «нового» учебного пособия с им же отредактированным предыдущим.

В. ВЛАДКО
Киев

По словам неупомянутых писем
МНОГО ШУМА, И — НИЧЕГО...

Еще в 1953 году львовская газета «Ленинская молодежь» вместе с Львовским городским комитетом комсомола объявила конкурс на лучшее стихотворение. Минут 1954 года, на исходе год 1955-й, но результаты конкурса не опубликованы, а его организаторы, видимо, и не вспоминают о своих обязательствах. Об этом сообщил в редакцию «Литературной газеты» читатель из гор. Львова Е. Криль.

Мы получили ответ заместителя заведующего отделом пропаганды и агитации Львовского обкома ЛКСМ Украины А. Тимофеева, в котором с эническим спокойствием сообщается, что конкурс на лучшее стихотворение закончен, однако присужденные победителю денежные премии не выплачены, так как у газеты не оказалось денег «на культурно-массовые мероприятия».

Удивительная аргументация! Стоило ли затевать конкурс и широко объявлять о нем, если нет возможности выполнить данные обязательства?

В «Святом семействе» Маркс с метким сарказмом раскрывает мещанскую, буржуазную сущность псевдосоциалистических, сентиментальных фантазий Эжена Сю, решительно выступает против оппортунистов. Эти страницы «Святого семейства» можно рассматривать, как один из первых опытов марксистской литературной критики. Незабвенно отметить, что почти в то же время в «Откровенных записках» за 1844 год появилась статья Балинского, в которой дается критика «Рабских тайн», причем оценка этого произведения великим русским революционным демократом близка к той резкой критической оценке, которую дал роману Маркс.

Во второй том Сочинений Маркса и Энгельса входит выдающийся работа Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии».

Находясь в Англии в 1842—1844 годах, Энгельс уделял большое внимание знакомству с экономической и политической жизнью этой страны. Он изучил большое количество официальных отчетов, книг, газет; с пристальным вниманием в торжачим существованием относятся к страданиям и бедствиям пролетариата, он часто посещал рабочие кварталы, заглядывал в жилища рабочих, присутствовал на собраниях чартистов, на рабочих митингах. Этот богатый фактический материал Энгельс использовал в своей книге. Написанная доходчивым, образным языком с большой любовью и обезличенным и заглаженным нулудом, она вызвала широкую острку в Германии и среди немецких рабочих-эмигрантов в других странах.

На примере Англии, которая становилась в ту пору «мастерской мира», Энгельс выявляет ряд закономерностей капиталистического производства. Он говорит о революционизирующем влиянии промышленного переворота на общественную жизнь. Возникновение промышленной буржуазии и пролетариата Энгельс связывает непосредственно с промышленной революцией и

О ТЕХ, КТО ПРОХОДИТ МИМО

А. АЛЕКСАНДРОВ

Двадцать восьмого августа в одиннадцатую часов тридцать минут ночи гражданин К. сошел с трамвая на Первой Речной улице. Он пересек мостовую и свернул в переулок. У дома номер семь к нему подошли двое неизвестных. После очень короткого разговора один из неизвестных выхватил из кармана нож. Гражданин К. бил его с ног и пытался бежать...

Когда дело об убийстве гражданина К. поступило на рассмотрение, к районному прокурору явился пожилой человек, подполковник в отставке. Он сел в кресло у прокурорского стола и сразу же выложил свой паспорт и свидетельство об отставке. Пока прокурор с недоумением рассматривал эти документы, посетитель спросил: — Вы чья партии?

Подполковник достал партийный билет и подал его прокурору. В графе «Время вступления в партию» значилось: 1916 год.

— В нашем переулке произошло убийство. Это ваш район, и вы, конечно, уже в курсе дела, — сказала посетитель.

— Да, в курсе.

— Собираетесь ли вы привлечь по этому делу супругов Лёваковых и Осиповых? На лице прокурора отразилось недоумение.

— Пока что они выступают в качестве свидетелей. Если, конечно, выяснится... — А если не выяснится, вы будете считать, что они и в чьей не виноваты? — Повинните, товарищ подполковник, но я вас что-то плохо понимаю...

В ту злополучную ночь подполковник в отставке Владимир Иванович Волков был разбужен необычным шумом голоса, раздававшимся по всей квартире. Выйдя в общий коридор, Волков узнал, что полчасика назад около их дома был убит человек. Жильцы столпились вокруг Лёваковых и Осиповых, которые подробно рассказали о случившемся: убийство произошло под их окнами. Человек боролся, пытался бежать, несколько раз вал на землю.

— Но, как это всегда бывает, — поговорила жена инженера Лёвакова, — побиловости — ни одного милиционера...

Подполковник тогда ничего не сказал и ушел в свою комнату. Он был потрясен. Потряс его не только самый факт убийства: он никогда не видел, чтобы человек погибал, а другие люди, не враги его, били тут же, слышали его крики и ничем не помогали ему.

На следующий день Волков отправился в милицию и к прокурору. Разумеется, такой путь он выбрал егорача, — он и сам потом понял, что у прокурора нет оснований оснований требовать наказания Лёваковых и Осиповых. Их преступление — моральное, и оно должно быть вынесено на другой суд — суд общественности... Вернувшись домой, Волков решил поговорить с Лёваковыми и Осиповыми; может быть, у них были какие-нибудь смягчающие вину обстоятельства. Прелесть неприятных, подполковник отправился к соседям.

Расскажем об этом подробнее, так как читателю, вероятно, небезинтересно узнать, что говорят и думают люди, которые, услышав крики в помощи, поспешнее запирают окна и двери.

— Хорошо, — сказал подполковник, — ответи мне тогда, как старому советскому офицеру или просто, как человек человеку: почему ты, слыши, что под твоим окном звонит на помощь, не вышел и вообще ничего не сделал? Ведь я знаю — ты не трус, на войне был, ордена у тебя. Как ты мог усидеть?

Георгий Андреевич Лёваков и его жена догадывались о намерениях Волкова и встретили его враждебно. Лёваков заявил, что он не поспеживает и не желает, чтобы эти люди, которые в работе поощряли его допристрастивали.

— Хорошо, — сказал подполковник, — ответи мне тогда, как старому советскому офицеру или просто, как человек человеку: почему ты, слыши, что под твоим окном звонит на помощь, не вышел и вообще ничего не сделал? Ведь я знаю — ты не трус, на войне был, ордена у тебя. Как ты мог усидеть?

Вот так, взад и усидел... Мало ли драк на улице, всех не разнимешь. — Не криви душой, Георгий Андреевич, ты хорошо понимаешь, что это не просто драка.

— Не выдержала жена инженера! — крикнула она вызвавшись. — И не понимаю, чего ради вы суетесь в наши семейные дела?

— Я и забыл, — сказал подполковник, — что у Георгия Андреевича есть домашний страж — жена.

А тут понесло:

— Да, жена есть и дети, которым нужен отец, а не мальчишка-герой! Дети, понимаете, семья! Выскочи, подними шум, помоги арестовать бандита, а его дружки тебя завтра прихлопнут. Больно тому было затерять свалку, бороться с грабителями: отдал бы мужички, да и дело с концом... И нечего митинговать и учить нас. Как ни трудно было подполковнику, но пришлось сдержаться и продолжать разговор в спокойном тоне.

— Помини, Георгий Андреевич, месяца полтора тому назад ты зашел ко мне и рассказывал о случае в магазине. Вор лез в карман какого-то гражданина, а другой, стоявший рядом, сказал ему об этом только после того, как вор вытащил деньги и упал. Ты тогда все возмутился: вот ведь какие бывают люди!.. Наверное, подумал: случится такое со мной, так они тоже будут стоять и смотреть, как меня грабят.

— А если и рассказывал, — приселась опять Лёвакова, — что из того? Раз все только себе думаешь, так мы тоже сосвататься не будем. Нам не больше других надо...

От Лёваковых подполковник отправился к Осиповым. Он — бухгалтер треста, она — музыкант, играет в оркестре.

— Конечно, это у нас, — воскликнула Осипова, — я плакала чуть ли не целые сутки, просто не могла успокоиться. Но Алексей Геннадиевич это тоже произвело тяжелое впечатление. Но... — сказала она, разводя руками, — все мы люди, со всеми свойственными людям слабостями.

— А мне до сих пор казалось, — перебила ее подполковник, — что мужество и чувство взаимной поддержки нашим людям более свойственны, чем трусость и эгоизм.

— Красивые слова никому и ничего не могут доказать, — вмешался Осипов. — В данном случае все было очень просто: два вооруженных грабителя напали на безоружного человека и убили его. И что мог сделать другой, такой же безоружный?

Подполковник возмутился:

— Здоровый, сильный мужчина, а призываешься беззастенчивой овечкой! Если бы ты выбежал и только прикрикнул на них, — ведь они бы разбежались. Да, наконец, схватил бы по дороге палку, — разве это не оружие в руках мужички?

Осиповы не хотели спорить с подполковником. Они уехали его, что и у них на душе неспокойно и что если они запираются, то ведь так поступил бы на их месте каждый.

— И все-таки согласиться, Владимир Иванович, что не легко заставить себя, рискуя жизнью, вмешаться в подобное дело. Надо бы подумать и о другом — о средствах действенной борьбы с грабителями и хулиганами. Милиция поступает как-то робко, прокуратура — не всегда умело. Жильцы и хулиганы пользуются этим. И помните мое слово: улучшить работу милиция — исчезнет все это.

Кое в чем Волков был согласен с Осиповым. Особенно его возмущала «делкатность» милиции в отношении хулиганов и других темных элементов. Хулигана уговаривают, убеждают; жулика, шныряющего в толпе с намерениями вполне звяныч, не беспокоят до тех пор, пока он не украдет.

По моему сейчас говорим не о работе милиции, — продолжал Волков, — а о нас с вами — о людях, о свойственном им чувстве коллективизма, об их смелости, наконец, просто о порядочности...

— Но сколько ни вызвал подполковник к гражданской совести Осиповых, они преждемудро сводили разговор на милицию.

— Лёваковы и Осиповы, каждый по-своему, пытались оправдаться. Удалось ли им это? Можно ли считать, что Лёвакова действительно не пустила жена? Или он и выпалду струнул? Нет, ни то, ни другое.

Прелесть соприкосновения жены и свой страх Лёвакову помогло его собственное равнодушие. Выбывший фронтвик Лёваков — не из трусливых людей и, взяв себя в руки, он, конечно, поборол бы и минутную нерешительность и притупления супруги. (Риск, кстати, был не так уж велик). Но чтобы смочь взять себя в руки, этого надо по-настоящему захотеть, надо почувствовать, что ты не можешь, не имеешь права стоять в стороне, когда другому человеку грозит опасность. Надо, наконец, иметь просто человеческий стыд... Но Лёвакову все эти мысли и чувства оказались, видимо, не очень близки. А без них не только чьи-либо разговоры, но и порожек у двери покажется непреодолимым препятствием.

С Осиповым дело обстояло несколько иначе. Он просто струсил. Сказал себе: «все мы люди», — и на том успокоился.

В истории Лёваковых и Осиповых один проявил равнодушие, другие — трусость. Есть ли граница между этими явлениями? Есть. Но граница, а не пропасть. Равнодушные и трусливые часто оказываются рядом.

Наша печаль много пишет об отдельных случаях, достойных публичного осуждения. Но, к сожалению, мы еще редко выносим на суд общественности явления. Случай, подобный тому, о котором здесь рассказано, конечно, исключительный. Гораздо более часты происшествия, которые не приводят к последним столь трагическим, но возникают на той же почве — равнодушного отношения к человеку. Говорить поэтому надо не только о Лёваковых...

В трамвае уютно дойти до хулигана и площадно ругаются. Пассажиры молчат... На улице несколько человек бьют одного. Прохожие не вмешиваются... Женщина предприняла попытку вора задержать в ней в сумку. Он, раздосадованный неудачей, оскорблен ее, грозит. Стоящие рядом мужички отворачиваются... Безразличие приводит к тому, что иной раз на улице, в магазине или трамвае распоряжаются хулигане противостоит объявлять, равнодушный ко всему, кроме собственной пероны. Объявлять проходите мимо всего этого, да еще сосунет соседу: «Не судите!» Без вас разберутся!.. Объявлять старается пробыть в нас чувство мещанской благопристойности: «Как вы можете вмешиваться в чужие скандалы, ведь это не שלנו!»

Если человек способен пройти мимо чужого несчастья на улице, значит он равнодушен к людям.

И, наконец, о тех, кто еще продолжает испытывать наше долготерпение, — о ворах, хулиганах и их подобный. Каждый, кто робел или по равнодушию своему не захотел «выжить неприятности», старается для своего оправдания раздуть наше представление о силе нарушителя общественного порядка. Нередко приходится слышать, что воры и хулиганы поддерживают друг друга, мстят. Но все, что сталкивалось с ними, знают, что их солидарность мнимая, существующая до тех пор, пока им удается действовать испугом, наглостью. Вор или хулиган поджидает восток, когда он наталкивается на дружный и решительный отпор.

И этот отпор надо дать. Дать его и темным элементам и тем людям, которые шепчут нам на ухо: «Бросьте, не вмешивайтесь, навяжут неприятности!»

Скоро кончился август 1844 года в Париже произошла знаменательная встреча между Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом. В это время Маркс и Энгельс, каждый самостоятельно, завершили переход от идеализма к материализму и от революционного демократизма к коммунизму.

Встреча в Париже, выяснившая полное согласие Маркса и Энгельса во всех теоретических аспектах, положила начало великой дружбе и сотрудничеству двух крупнейших мыслителей и вождей пролетариата. В те же дни они разработали план их первой совместной работы («Святое семейство», или Критика критической критики), которой открывается вышедший из печати второй том второго издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, охватывающий период с сентября 1844 года по февраль 1846 года.

Разделы «Святого семейства», принадлежавшие Энгельсу, были написаны им до отъезда из Парижа. Маркс, который продолжал работать над книгой до конца ноября 1844 года, значительно увеличил наземный объем, включая в работу свои исследования по истории Французской буржуазной революции конца XVIII века, а также часть своих экономических-философских рукописей.

«Святое семейство» направлено против субъективистских идеалистических взглядов материалистов — братьев Бауэров и их единомышленников. «Эти господа», писал В. И. Ленин, характеризуют сущность радикализма младегелльянцев, — преповедывали критику, которая стоит выше всякой действительности, выше партийной и политической, отрицает всякую практическую деятельность и лишь «критически» созерцает окружающий мир и происходящие в нем события». На историю младегелльянцев смотрели, как на результат деятельности критически мыслящих личностей, и свиско сдули о пролетариате, о трудящихся, как о «критической массе». Против этого вздорного и вредного направления решительно воевали Маркс и Энгельс.

Огромное значение имеет выдвинутое в «Святом семействе» положение о решающей роли народных масс в развитии общества. Маркс и Энгельс доказывают, что не «выбранные личности», а только народ является действительным творцом истории. Они указывают, что в историческом развитии больше значение имеют прогрессивные идеи, но для осуществления их «требуются люди, которые должны употребить практическую силу».

В книге содержится почти сложившийся взгляд на историческую миссию пролетариата как класса, который в силу своего положения в капиталистическом обществе «может и должен сам себя освободить». В «Святом семействе» дается исходное положение исторического материализма об определяющей роли условий материальной жизни в развитии общества и формулируются также некоторые положения марксистской политической экономии. Повергая анализу положение пролетариата в капиталистическом обществе, Маркс обосновывает объективную необходимость социалистической революции и показывает, что частная собственность в своем экономическом движении, порождая пролетариат, сама готовит свою гибель.

Применяя в «Святом семействе» к объяснению общественных явлений метод материалистической диалектики, Маркс и Энгельс заложили основы подлинной исторической науки, опровергли безраздельно господствовавшие ранее идеалистические взгляды на развитие общества и формулировали ряд важнейших положений диалектического и исторического материализма.

«Святое семейство» было направлено против органа братьев Бауэров — «Всеобщей литературной газеты». Поэтому в книге большое внимание уделено критике различных философских и литературных статей, печатавшихся в этом ежемесячнике, эстетических взглядов и литературных вкусов их авторов. Значительное место уделено критике статьи младегелльянца Шлегеля, посвященной роману «Парижские тайны» французского писателя Эжена Сю — «сентиментально-мещанского бай-

ботку основ диалектического и исторического материализма, теоретических, философских основ коммунистической партии, Маркс и Энгельс наряду с этим ведут большую практическую революционную работу. Они устанавливают связи с немецкими и французскими рабочими обществами во Франции, Англии, с бельгийскими демократами, с представителями польской революционной эмиграции. Стремясь завоевать позиции для пропаганды своих взглядов в Германии, они стараются использовать для этой цели выходящие там периодические издания, ведут переписку с друзьями и единомышленниками в ряде немецких городов. Их задачей было сплотить идейно и организационно рабочих и социалистов всех стран.

Печатаемые в томе статьи и речи Энгельса отражают большую агитационную и организаторскую работу по сплочению всех оппозиционных слоев, проведенную им в Рейнской провинции зимой 1844/45 года, и относятся к первым выступлениям Энгельса как замечательного пропагандиста нового революционного и материалистического мировоззрения.

В статье «Быстрые успехи коммунизма в Германии», предназначенной для английских рабочих, содержится сделанный Энгельсом пролазарный перевод знаменитого стихотворения Г. Гейне «Силезские ткачи». Перевод сделан по первоначальному варианту этого стихотворения, состоявшему только из четырех строф, который был опубликован в 1844 году в парижской газете «Фортунелле», издававшейся при близком участии К. Маркса. В этой же статье дается характеристика Г. Гейне как «наиболее выдающегося из всех современных немецких поэтов».

В своих «Заблудившихся речах» Энгельс указывает, что при коммунистической организации общества исчезнут кризисы, конкуренция и безработица. Социалистическое государство, подчеркивает Энгельс, не будет вести агрессивных войн, однако в случае, если гражданину социалистического общества придется защищать свое отечество против сил контрреволюции, то он «будет бороться с воодушевлением, стойкостью, с храбростью, перед которыми должна разлететься, как солома, механическая вышка современной армии».

В серии статей «Положение в Германии» Энгельс показывает влияние французской буржуазной революции конца XVIII века на экономическое и политическое развитие

Германии, раскрывает ограниченный характер буржуазного либерализма и дает характеристику особенностям экономического и политического развития Германии. Энгельс выступает здесь как пламенный патриот, борясь за единую демократическую Германию, он высоко оценивает культурные достижения, созданные немецким народом, отмечает революционный дух произведений Гёте и Шиллера.

Статья Энгельса «Введение и заключение к «Отрывку из Фурье о торговле» включена в обширный план публикаций, задуманный Марксом и Энгельсом для публикации в Германии лучших произведений французского и английского утопического социализма. В статье дается характеристика Фурье как одного из выдающихся представителей критическо-утопического социализма и подчеркивается лучшая сторона его учения — резкая критика существующего общества. В то же время Энгельс в этой и других работах того периода вскрывает и слабые черты утопического социализма — его абстрактную схему построения будущего общества, непонимание исторической роли пролетариата и значения его классовой борьбы против буржуазии.

В статье Энгельса «Праздество наций в Лондоне» впервые сформулирована идея пролетарского интернационализма и дана критика буржуазного космополитизма. Энгельс показывает, что основой пролетарского интернационализма является тождество интересов пролетариата в различных странах, что рабочие во всех странах имеют одного и того же врага — буржуазию, и что им предстоит одна и та же борьба. Как и в предыдущей статье, здесь дается резкая критика немецкого мелкобуржуазного «истинного социализма» — учения, отграничного от действительной жизни и от непосредственных задач политической и классовой борьбы.

Так в борьбе с различными враждебными пролетариату течениями Маркс и Энгельс выковывали великое учение, которое стало путеводной звездой для народов всех стран.

Труды, собранные во втором томе Сочинений Маркса и Энгельса, отражают важный этап в процессе формирования революционно-материалистического мировоззрения основоположников марксизма и являющихся неоскажканным источником идейно-вооружения трудящихся.

Показывает, что изобретенные новые машины в условиях капитализма, с одной стороны, ведут к увеличению производительности труда, а с другой — к созданию резервной армии безработных, к ухудшению положения трудящихся масс. Энгельс выявляет неизбежность периодического повторения экономических кризисов при капитализме, подробно описывает развитие их циклов и указывает на бедствия, которые они несут трудящимся городам и деревням.

В «Положении рабочего класса в Англии» Энгельс продолжает критику теории народнического Миллуса, которую он начал в своей работе «Наброски к критике политической экономии», обличает мелкобуржуазную сущность и антинаучный характер этой теории и называет ее «откровенным провозглашением войны буржуазии против пролетариата».

Через свое книгу красной нитью проходит мысль Энгельса о том, что пролетариат является не только страдающим, но и борющимся классом. Это положение, как и вся книга, получило самую высокую оценку Ленина, который относил данную работу Энгельса к «одному из лучших произведений в мировой социалистической литературе».

В книге Энгельса подчеркивается решающее значение политической борьбы рабочего класса и в этой связи дается высокая оценка первому самостоятельному политическому оформлению движения рабочих 30—40-х годов XIX века — чартизму. Энгельс знал характерное движение не как сторонний наблюдатель, а как активный его участник. Он был знаком с многими лидерами этого движения, помогал им советами, писал статьи для их газеты «Северная звезда», следил за чартистской литературой. Энгельс дал блестящий перевод на немецкий язык стихотворения чартистского поэта Э. Милла «Король-пар», которое во втором томе Сочинений Маркса и Энгельса дается в переводе С. Маршака.

Подчеркивая значение чартистского движения, Энгельс наряду с этим отмечает ограниченность его целей и указывает на необходимость для чартистов сочетать борьбу за демократические права с социалистической программой.

Окончив работу над книгой «Положение рабочего класса в Англии», Энгельс уезжает в апреле 1845 года в Брюссель, где в то время находился Маркс, высланный из Франции по настоянию прусского правительства. Продолжал дальнейшую разра-

ботку основ диалектического и исторического материализма, теоретических, философских основ коммунистической партии, Маркс и Энгельс наряду с этим ведут большую практическую революционную работу. Они устанавливают связи с немецкими и французскими рабочими обществами во Франции, Англии, с бельгийскими демократами, с представителями польской революционной эмиграции. Стремясь завоевать позиции для пропаганды своих взглядов в Германии, они стараются использовать для этой цели выходящие там периодические издания, ведут переписку с друзьями и единомышленниками в ряде немецких городов. Их задачей было сплотить идейно и организационно рабочих и социалистов всех стран.

Печатаемые в томе статьи и речи Энгельса отражают большую агитационную и организаторскую работу по сплочению всех оппозиционных слоев, проведенную им в Рейнской провинции зимой 1844/45 года, и относятся к первым выступлениям Энгельса как замечательного пропагандиста нового революционного и материалистического мировоззрения.

В статье «Быстрые успехи коммунизма в Германии», предназначенной для английских рабочих, содержится сделанный Энгельсом пролазарный перевод знаменитого стихотворения Г. Гейне «Силезские ткачи». Перевод сделан по первоначальному варианту этого стихотворения, состоявшему только из четырех строф, который был опубликован в 1844 году в парижской газете «Фортунелле», издававшейся при близком участии К. Маркса. В этой же статье дается характеристика Г. Гейне как «наиболее выдающегося из всех современных немецких поэтов».

В своих «Заблудившихся речах» Энгельс указывает, что при коммунистической организации общества исчезнут кризисы, конкуренция и безработица. Социалистическое государство, подчеркивает Энгельс, не будет вести агрессивных войн, однако в случае, если гражданину социалистического общества придется защищать свое отечество против сил контрреволюции, то он «будет бороться с воодушевлением, стойкостью, с храбростью, перед которыми должна разлететься, как солома, механическая вышка современной армии».

В серии статей «Положение в Германии» Энгельс показывает влияние французской буржуазной революции конца XVIII века на экономическое и политическое развитие

Германии, раскрывает ограниченный характер буржуазного либерализма и дает характеристику особенностям экономического и политического развития Германии. Энгельс выступает здесь как пламенный патриот, борясь за единую демократическую Германию, он высоко оценивает культурные достижения, созданные немецким народом, отмечает революционный дух произведений Гёте и Шиллера.

Статья Энгельса «Введение и заключение к «Отрывку из Фурье о торговле» включена в обширный план публикаций, задуманный Марксом и Энгельсом для публикации в Германии лучших произведений французского и английского утопического социализма. В статье дается характеристика Фурье как одного из выдающихся представителей критическо-утопического социализма и подчеркивается лучшая сторона его учения — резкая критика существующего общества. В то же время Энгельс в этой и других работах того периода вскрывает и слабые черты утопического социализма — его абстрактную схему построения будущего общества, непонимание исторической роли пролетариата и значения его классовой борьбы против буржуазии.

В статье Энгельса «Праздество наций в Лондоне» впервые сформулирована идея пролетарского интернационализма и дана критика буржуазного космополитизма. Энгельс показывает, что основой пролетарского интернационализма является тождество интересов пролетариата в различных странах, что рабочие во всех странах имеют одного и того же врага — буржуазию, и что им предстоит одна и та же борьба. Как и в предыдущей статье, здесь дается резкая критика немецкого мелкобуржуазного «истинного социализма» — учения, отграничного от действительной жизни и от непосредственных задач политической и классовой борьбы.

Так в борьбе с различными враждебными пролетариату течениями Маркс и Энгельс выковывали великое учение, которое стало путеводной звездой для народов всех стран.

Труды, собранные во втором томе Сочинений Маркса и Энгельса, отражают важный этап в процессе формирования революционно-материалистического мировоззрения основоположников марксизма и являющихся неоскажканным источником идейно-вооружения трудящихся.

Показывает, что изобретенные новые машины в условиях капитализма, с одной стороны, ведут к увеличению производительности труда, а с другой — к созданию резервной армии безработных, к ухудшению положения трудящихся масс. Энгельс выявляет неизбежность периодического повторения экономических кризисов при капитализме, подробно описывает развитие их циклов и указывает на бедствия, которые они несут трудящимся городам и деревням.

В «Положении рабочего класса в Англии» Энгельс продолжает критику теории народнического Миллуса, которую он начал в своей работе «Наброски к критике политической экономии», обличает мелкобуржуазную сущность и антинаучный характер этой теории и называет ее «откровенным провозглашением войны буржуазии против пролетариата».

Через свое книгу красной нитью проходит мысль Энгельса о том, что пролетариат является не только страдающим, но и борющимся классом. Это положение, как и вся книга, получило самую высокую оценку Ленина, который относил данную работу Энгельса к «одному из лучших произведений в мировой социалистической литературе».

В книге Энгельса подчеркивается решающее значение политической борьбы рабочего класса и в этой связи дается высокая оценка первому самостоятельному политическому оформлению движения рабочих 30—40-х годов XIX века — чартизму. Энгельс знал характерное движение не как сторонний наблюдатель, а как активный его участник. Он был знаком с многими лидерами этого движения, помогал им советами, писал статьи для их газеты «Северная звезда», следил за чартистской литературой. Энгельс дал блестящий перевод на немецкий язык стихотворения чартистского поэта Э. Милла «Король-пар», которое во втором томе Сочинений Маркса и Энгельса дается в переводе С. Маршака.

Подчеркивая значение чартистского движения, Энгельс наряду с этим отмечает ограниченность его целей и указывает на необходимость для чартистов сочетать борьбу за демократические права с социалистической программой.

Окончив работу над книгой «П

Повесть о военном враче

«Войсковым врачам, своим боевым товарищам» — таким посвящением открывалась вышедшая в 1952 году повесть «Гвардейцы». Ее автор Владимир Дятлев вместе со своим героем прошел по дорогам войны. В первой работе молодого литератора подкупала неподдельная искренность, знание жизни, горячая любовь к профессии врача. И читатель, просияв автору некоторую литературную неопытность, любил мужественных героев его книги — капитана Филиппова, фельдшера Чашину, хирурга Анну Ивановну, страстно преданного науке врача Рыбина, мечтающего в мирные дни защитить диссертацию.

И вот эти мирные дни прошли. О них, об этих героических буднях военных врачей, и рассказывает новая повесть В. Дятлева «Доктор Голубев». И хотя тут мы встречаемся с новыми героями, но эти люди принадлежат к тому же поколению, что и персонажи «Гвардейцев», — закаленные в битве с фашизмом и сейчас воеющие на самом благородном фронте, фронте борьбы за жизнь человека.

В Дятлевым вводит нас в мир больших испытаний и неустанных трудов. Напряженно развивается действие книги. В госпитале поступают тяжело больной боец Сухачев. Ему грозит смерть. Доктор Голубев предлагает операцию, еще не проверенную практикой операционного искусства. Но на пути врача встают, как это нередко бывает в жизни, рутинная и косность. Против Голубева и старый терапевт Песков, отставший от жизни, а потому боящийся всего нового, нового, молодого, и движимый в жизни лишь мечтой о служебной карьеры подполковника Брудакова, и люди, подобные Брудакову, — люди с бумажной душой и равнодушным сердцем.

Но Голубев имеет поддержку друзей. Хирург Клепов, парторг Бойков, академик Розов стали его верными союзниками. Показывая сдержанно переживания людей нашей медицинской науки, В. Дятлев создал свой лучший образ — образ коллектива, разнообразного, многогранного и в то же время единого в своих целях, устремлениях, помыслах.

Об этом хорошо сказано в одном из авторских отступлений, которое как бы настраивает все повествование на определенную поэтическую волну: «Труд врачам! Как будто ничего сложного и героического... А между тем, сколько тревожных, мучительных часов, дней, иногда недель у постели больного... При неудачном исходе не суд страшнее смерти, — сознание собственного бессилия, невыполненного долга...

Сколько людей в белых халатах погибало от холеры, тифа, дизентерии, поножбы, зацпича больного человека. На место погибшего становился новый врач, и борьба продолжалась. Она не затрагивает ни на одну минуту. В больницах и лазаретах, в поликлиниках и госпиталях, в лабораториях и научно-исследовательских институтах продолжается эта отчаянная, самая человечная, самая возвышающая борьба. И смерть потихоньку, нехотя, сантиметр за сантиметром отступает от койки больного».

В. Дятлев. «Доктор Голубев». Повесть. Журнал «Звезда», № 7 и 8, 1955.

В повести В. Дятлева нет границ, отделяющих личную жизнь героев от собственно «производительной». Труд врача в повести сопряг с большой любовью к людям, и овеенная этим светом самая профессия врача предстала перед нами во всей своей красоте.

Именно в таком рисунке дан образ доктора Голубева. Неделю ему далась победа. Понадобилось немало бессонных ночей, мучительных раздумий, поисков единственного верного решения, прежде чем смерть отступила от постели Сухачева. Характер Голубева писатель раскрывает не в декларациях, а в действиях и поступках: когда Голубев дежурит у постели больного, с тревогой наблюдая течение болезни, и когда только долг врача заставляет его, преодолев минутное отчаяние, с новой энергией продолжать битву за жизнь, хотя кто-кому она уже кажется безнадежно проигранной, и когда он ведет энергичную борьбу с бюрократами и чиновниками из медицинского управления.

В описании других персонажей автор также преодолевает описательство, меньше комментирует поступки героев.

Не только сердце врача затронет судьба доктора Пескова. В юности он мечтал о славе, о большом пути в медицине. И вот прошла жизнь. Он остановился где-то на полдороге, перестал учиться, стал только учить». Из желавшего врача превратился в обывателя и рутинера.

Через резкие, контрастные сопоставления В. Дятлев утверждает дорожную ему мысль: будущее с теми, у кого, как у старого профессора Пухова, далеко по полочке горит свет, флюор и в глубокой старости продолжает с юношеской страстью бороться, искать, прокладывать новые тропы в науке, любить ветер трудных дорог. Эта страсть ведет умный скальпель хирурга Клепова, заставляя Голубева настаивать на проведении опасной операции. Есть что-то общее в характере, поведении врача Голубева и просто солдата Сухачева, который, мужественно перенес операцию, возвращается в строй и, если понадобится, будет «стоять насмерть».

С помощью удачно схваченных деталей писатель умеет раскрыть душу человека. Ничего не говорится, например, в двенадцатой главе о нозисте Брудакове, но в тонко построенном эпизоде, когда этот карьерист посещает больного, его подлость раскрывается до конца: «Брудаков начал осматривать с улыбкой: одна начальнику, другая — Голубеву, никого не обидел. Потом он потянулся пальцем по груди больного, будто поглаживая его легонько, приложил трубку к сердцу, и готово. Снова улыбка Голубеву, деликатный поклон начальнику».

Метко найденное слово «поглаживая» говорит и о торопливости осмотра, и о презрительности к больному. Ибоет В. Дятлев, как правило, комментаторства и в трактовке других образов.

Медицинская сестра, которая патничать ледяной рукой, без душевных колебаний могла обратиться за помощью и советом к Пескову, теперь бегит «беспокоит» его: «станет ворчать». Такая деталь говорит больше, чем пространный авторский комментарий.

Радуется, что во второй повести молодежь писателя меньше «спрохонды» персонажей, чем в первой. Читателю запомнится, например, образ бездушного формалиста Тылдого и образ «зрадовых» труженников госпиталя — сестер.

Остановимся и на тех недостатках, которые порою еще мешают автору говорить «к полному голосу».

Так, в отличие от некоторых других персонажей повести и отступая от собственной авторской манеры, В. Дятлев торопится «представить» Пескова, «прокомментировать» его мысли и чувства сразу же, не дожидаясь, пока характер сам раскроется в ходе повествования. Образ этот задуман гораздо сложнее, интереснее, чем написан. Буквально в первых же главах мы узнаем, что Песков — консерватор, что в госпитале он ведет себя, как рутинер. Поэтому не совсем вяжется с логикой развития действия то обстоятельство, что такой много повидавший в жизни человек, как Голубев, долгое время колеблется в оценке поведения Пескова.

Внешне, без попытки проникнуть во внутренний мир человека, написан и образ начальника госпиталя. Здесь В. Дятлев повторил ошибку, на которую ему указывала критика, упрекая за поверхностную характеристику образа комбрига из «Гвардейцев». Бледно, невыразительно даны образы врача майора Дин-Мамедова и парторга Бойцова. Мешают автору и литературные штампы. Стало, например, уже шаблонно, изображая отсталость, косность ученого, обязательно связывать это со старомодной, доживавшей своей век обстановкой его кабинета. Читатель, встречающийся в повести аналогичные приемы характеристики Пескова, вспомнит немало до обидного похожих картин из других книг.

После появления «Гвардейцев» в рецензиях отмечались многие языковые погрешности автора. На пути от первой ко второй книге язык его окреп, стал ярче, хотя и сейчас еще художественной правде В. Дятлева не всегда достает многообразия красок. Особенно это ощущается в первой половине повести. Она и написана бледнее, и действие в ней развевается недостаточной напряженно.

Никак не оправдано содержанием постоянное подчеркивание автором тактичных деталей в портрете Пескова, как... брови. В своем кабинете Песков «шевельвал лохматыми бровями», а Голубев «смотрел на лохматые брови». Когда врач рассердился, то в одном случае его «брови ошепилились», а в другом — «брови сохнулись на переносе». Удивил Голубева, Песков вновь «посмотрел на него нависших бровей». Выступая на консилиуме, «Песков свел брови на переносе», а в разговоре у него «кочки бровей разошлись в висках» и т. д. Вряд ли подобные повторы не обогащая наше представление о Пескове.

Столь же часто В. Дятлев заставлял своего героя «бурчать» и «бормочать». Но не эти недостатки определяют отношение к книге в целом — правдивому повествованию о людях советской медицины. И хочется пожелать молодому автору дальнейшей упорной, требовательной работы над образами и языком его нового произведения.

А. ЕЛКИН

СОВЕЩАНИЯ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

ДАГЕСТАН

Готовясь к Всесоюзному совещанию молодых писателей, писательские организации проводят сейчас совещания молодых в республиках.

Как сообщает газета «Дагестанская правда», содержание и острота было совещания молодых писателей Дагестана. Докладчик — секретарь республиканского союза писателей А. Назарев — подробно охарактеризовал роль молодых писателей в развитии современной дагестанской литературы. Ведь и к таким известным в литературе именам, как Р. Гамзатов или И. Керимов, трудно же приложить эпитеты «опытный» или «старый». Силами молодых, отмечает докладчик, создается в основном и дагестанская проза.

Но чем большее значение имеет творчество молодых для дагестанской литературы, тем большей должна быть их ответственность за свой труд, требовательность и скромность, тем нетерпимее становится также и те перемены, которые мешают им полностью творчески проявить себя. Об этом подробно говорилось в прениях. Студент Литературного института, аварский писатель Муса Магомедов сказал: «Основной наш недостаток в том, что мы подчас не можем выработать тему, найти свой путь в литературе. Сотни раз повторяем других поэтов, перепевает то, о чем уже давно слези другие». М. Магомедов считает, что поэты должны писать не обо всем вообще, а о том, что сами непосредственно пережили, почувствовали, глубоко узнали, поняли. Зная свои недостатки, поэты должны прислушиваться к критике, не давать места пустой обиде, не зазнаваться.

Выступил М. Магомедов поддержав и другие писатели. Отметив факты неурядицы отношения между литераторами, только начинающими творческий путь, к критике своих, еще довольно слабых, произведений.

Критиковали на совещании Союза писателей Дагестана, его секции. Руководители союза не научились еще передавать молодым писателям творческий опыт, накопленный дагестанской литературой, не сумели организовать настоящую, продуктивную творческую учебу.

«Дагестанская правда» положительно оценила работу совещания.

ЯКУТИЯ

Немало материалов о якутской литературе напечатала за последнее время газета «Социалистическая Якутия». В номере газеты от 26 августа дана «Литературная страничка», посвященная творчеству молодых писателей республики.

В номере напечатаны стихи и рассказы, отчет о республиканском совещании молодых писателей и другие материалы.

На совещании анализировались произведения молодых литераторов Якутии, были подчеркнуты общие для этих произведений недостатки — неглубокое знание жизни, слабое внимание к форме, к литературной технике. Критиковались также работа Союза писателей с молодыми. А. Николаев, например, в своем выступлении отметил: «Хочется, чтобы Союз писателей налаждал более тесную связь с молодыми авторами, находящимися в районах».

Новые книги

Дементьев Н. Сестры. Рассказы. Новогорское книжное издательство. 160 стр. Цена 3 руб. 70 коп.

Лондон Л. Кража. Пьеса в 4-х действиях. Перевод с английского Е. Гольмашевой и Б. Исакова. «Искусство». 108 стр. Цена 2 руб. 65 коп.

Мессер Р. Ольга Форш. Критический очерк. Ленинград. 212 стр. Цена 4 руб.

Некрасов В. В окопах Сталинграда. Воениздат. 248 стр. Цена 7 руб. 20 коп.

Трусов И. Общая жизнь. Рассказы. «Советский писатель». 435 стр. Цена 7 руб. 15 коп.

Шенов А. Крестьянское восстание. Исторический роман. Перевод с хорватского М. Волкошкового. Гослитиздат. 312 стр. Цена 6 руб. 25 коп.

В ожидании творческой помощи

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Вот уже десятый год существует при газете «Витебский рабочий» наше литературное объединение. В нем работает около 30 человек, и только один из них — прозаик П. Долгопольский — член Союза писателей Белоруссии. Основное ядро объединения — это «начинающие», хотя многие из них пишут уже не первый год.

Члены нашего объединения ежемесячно собираются на творческие собрания, так мы называем их и в меру своих сил стараемся их такими сделать, но чувствуем: разговор часто ведется неглубокий, самодельный. Некому сказать вестное, авторитетное слово о творчестве каждого из нас, определить верность наших критериев при оценке произведений.

Творческая помощь, заботливый совет — вот в чем мы больше всего нуждаемся. Конечно, эта помощь необходима тем, кто относится к литературному труду с высокой требовательностью. Не будем скрывать, что и в нашей небольшой семье рядом с требовательными к себе людьми есть и просто равнодушные к себе «пишущими», — они забрасывают редакция газет пакетами своих упражнений, в которых трудно обнаружить хотя бы крупную настоящей поэзии.

Но если говорить о более или менее организованной творческой помощи, то Союз писателей оказывает ее нам раз в два года, когда его представители являются для проведения отчетно-выборного собрания литобъединения. К стати сказать, последнее такое собрание — в июне этого года — проведено было наспех. На другой день после собрания бригада писателей (П. Габек, Т. Хадкевич, А. Вологин, В. Корбан) утром в редакции областной газеты в течение часа «просмотрела» несколько стихотворений, побеседовала с тремя «бывшими под рукой» авторами и отбыла в Минск.

Два года тому назад литераторы Витебщины решили сделать первую творческую заявку — подготовить альманах «Над Двиной». В него вошли произведения 18 молодых авторов: стихи, очерки, рассказы. Попытались было издать его в Витебске, но не получили бумаги. Тогда решили переложить альманах в Союз писателей Белоруссии. Минув год, за ним второй, а мы даже еще не получили ясного ответа об идейно-художественном уровне альманаха.

Некоторые из наших товарищей печатают свои произведения в республиканских журналах; так, очерки и рассказы П. Долгопольского обычно появляются на страницах журнала «Полымя», а недавно Гослитиздат Белоруссии выпустил в свет его повесть «На берегах Силы». В альманахе

«Советская Отчизна» был опубликован очерк начинающего писателя И. Алтухова о его родном городе Орше. Но ведь это единичные случаи! А на Витебщине немало пишущих; кроме литературного объединения в самом центре области, существуют литературные кружки при редакциях районных газет в Орше, Полоцке, Гродно. Быть может, лишь очень незначительная часть произведений начинающих заслуживает внимания читателей, но даже и эту часть надо иметь возможность напечатать. Казалось бы, что заботиться об этом — первейшая обязанность редакций областных и районных газет, при которых организационно объединены молодые авторы. На деле это не так.

По поводу, а иногда и долгие ожидания мы появления литературной странички в газете «Витебский рабочий». За все последние годы в ней было опубликовано только шесть литературных страничек, из которых три вышли в конце прошлого года — в связи с республиканским и всесоюзным съездами писателей. Произведения литераторов Витебщины попадают на страницы областной газеты, как правило, только в праздничные дни. Для серьезных творческих выступлений литераторов области газета не находит места.

На страницах газеты нет художественного очерка о знатных людях области и их делах. Совет обкома партии о привлечении к написанию серии таких очерков местных молодых писателей газетой не был реализован.

Не балует своим вниманием сотрудники редакции и тех, кто посылает сюда свои первые литературные упражнения. По месяцам залежируются в редакционных столах их стихи, рассказы, очерки.

Каждому начинающему писать нужно много учиться, учиться мастерству, воспитывать высокую требовательность к себе. Такую учебу в силах организовать Союз писателей Белоруссии. Нам думается, что следует не только прикрепить к объединению опытных писателей, но и сделать это прикрепление действенным.

Литераторы Витебщины привыкли ждать — многие из них дождались уже шестое республиканское совещание молодых, — и на каждом таком совещании руководители СП БССР обещали наладить постоянную творческую помощь областным объединениям. Не пора ли об этом перейти к делу?

Н. МАКАЕВ,
председатель бюро литобъединения при газете «Витебский рабочий»

помощь в отборе участников совещания. Но ничего этого не случилось.

Выявлять наиболее способную литературную молодежь на местах должен и кабинет молодого автора. Пока что этот кабинет всю свою энергию тратит на чтение случайных рукописей, весьма немногие из которых рекомендуются к печати. Если бы кабинет вел свою работу в тесном контакте с литобъединением, то им была бы во многом оказана та помощь, которой они ожидают.

Картина, изображенная в письме М. Макаева, характерна не только для витебского, но и для других литобъединений — в Могилеве, Бресте, Гомеле и даже в Минске.

Главную долю вины в этом обзано принести на себя правление Союза писателей БССР, и в первую очередь — Комиссия по работе с молодыми, которая ведет свою деятельность все еще в отрыве от местных организаций, от редакций газет и журналов. За все время 1955 года комиссия не собралась ни разу для обсуждения произведений молодых...

Думается, что предстоящее шестое республиканское совещание молодых писателей, занимающихся проблемами творческими, не обойдет и вопроса об организации систематической и квалифицированной консультации для литературных объединений, групп и кружков.

ДЛЯ ЮНЫХ И ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

Александра БРУШТЕИН

В новой книге молодого автора, любящего нас по его первым работам, мы находим с воодушевлением, с надеждой. Так раскрываем мы и новую книгу Николая Дубова, порожденного нас несколько лет назад «Огнем на реке». Оправдал ли автор наши ожидания? Растет ли он так, как сулили его первые книги?

Скажем сразу: да, оправдал. Да, растет. И даже недостатки новой книги Н. Дубова «Сирота» — а они есть, и о них мы скажем ниже — объясняются именно ростом Н. Дубова как писателя: большей значительностью авторского замысла, большей сложностью образов.

Н. Дубов пишет о детях. Конечно, в его книгах действуют и взрослые, — какой же может быть повесть о детях, если они изолированы от «большой земли» взрослых? Но главными героями Н. Дубова являются дети. Такие книги иногда имеют воспитательное значение и для взрослых читателей, а это случается чаще всего там, где детская книга талантливо и умно ставит вопросы воспитания. Эти вопросы — один из труднейших, для многих — жгучие и болезненные. Многие из нас, взрослых, в особенности отцы и матери, плохо подготовлены к воспитанию своих детей, удивляющие мало знают о том, что такое дети и как надо их воспитывать. Так получается, что иной академик бессильно разводит руками, видя, каким уродом вырос его сын, а у рядового труженника дети вырастают настоящими людьми.

Книга Н. Дубова «Сирота» много дает детям, но, вероятно, не меньше даст она взрослым читателям. Н. Дубов действительно поэтически ощущает детей и действую, тонко проникновение в душу ребенка, — это очень помогает тем многим и многим взрослым, для которых детская душа — часто книга за семью печатями. Вместе с тем свойственный Н. Дубову зоркий писательский глаз подмечает такие явления детской жизни, о которых должны крепко задуматься не только родители, но и школа и пионерская организация.

Лешка — круглый сирота. Погиб на фронте отец, умерла и мать. Новонаписанные родственники, хотя и дорогие (родственников он мне — через дорогу панорискалики...), — говорит дядя Тро-

ша), берется воспитать сироту, а это означает для дяди Троши прежде всего — обобрать сироту до нитки. Остаются после лешкинских родителей домик, избыток, в одну комнату, — присырайт! Остаются «вещички... не ай-ай-ай, вещички так себе, ну, все-таки...», — жадно хлещащая часть дяди Троши заглядывая и «вещички». Ко всему этому Лешка относится равнодушно. Но воспитать сироту означает для дяди Троши еще и вырастить его музыкальником, побойком, техникум, спелулянтских деловик... — а на это Лешка не согласен, он бунтует, он борется.

С первых строк повести Лешка ненавидит «Жабу» — дядю Трошу. И вот у дяди Жабы, тонкого убий, и когда сидит, когда ляжет на жабу перед прыжком. Однако дело, конечно, не в наружности, — нет, Лешка не принимает моральной сущности дяди Троши. С возмущением следим мы за борьбой Лешки — это неравная борьба ребенка со взрослым мерзавцем. В этой борьбе Лешка страстно честен, и в этом — все его оружие и сила. Лешка держится за свои — не убеждения, их у него еще нет, — но за сумятные правила чести и честности. Откуда у Лешки эти правила? Н. Дубов почти ничего не говорит нам о лешкинских родителях, но очень тонкими и точными штрихами показывает нам этих ушедших людей через полустершиеся воспоминания самого Лешки. Они не были выдающимися людьми. Но они были хорошие, правдивые, советские люди, честно жили и честно умерли. Именно здесь, в этих витальных с детства впечатлениях и воспоминаниях показывает нам Н. Дубов корни лешкиного «сопротивления злу». Мать его где-то служила, жила тяжело, порой даже падала от лишней работы лет, но, как помнит Лешка, неизменно говорила: «Что поделаешь? Как людям, так и нам...». А вот дядя Троша говорит: «А зачем мне на другой год глядеть? Он пухнет с голоду, и мне нухнут? Дураков нет!». Отец Лешки — моряк, моторист на катере — погиб при десанте под Мариуполем. Остается пояс отца — старый ремешок с медной бляхой и вышитым на ней именем. Для дяди Троши — это «хлам, даже на футбол не годится». Но Лешка носит этот ремешок под одеждой, прямо на теле. Лешка помнит, что отец его был герой. И ветхий ремешок стучит в сердце мальчика, как сумное воспоминание и требовательный призыв.

Как много должно сказать все это и взрослому читателю! Из наших слов и дел, больших и буднично мелких, сознательных, а часто и бессознательных, падающих на чистое поле детской памяти, закладываются на всю жизнь моральная основа наших детей, которая должна помогать им жить и бороться. Всегда ли помним мы об этом? Не слышим ли часто на светочувствительной и звукозачисывающей ребячьей памяти записываются совсем не те слова и дела, какие нужны. И хорошо, что Н. Дубов напоминает нам об этом художественно убедительным образом своего героя, правдивым рассказом о его борьбе.

Убежав от ненавистной «Жабы», Лешка претерпевает много неожиданных приключений. Но в отличие от тех приключенческих книг, где авторы, утверждая «собственность ради событийности», называют чисто внешние приключения, как сущности гробы на веревочку, не учитывая ни психологию, ни сердца, ни биографию своих героев, Н. Дубов делает это с точным знанием жизни и ее правды.

Лешка попадает в детдом и в школу. Не легко овладеть в коллектив мальчишек, до этого одинокий, замкнувшийся в себе, грубо травмированный. Медленно оттаивает иззябшая лешкина душа, недоверчиво отключается он на работу и ласку педагогов, но сразу сближается с товарищами.

Но когда это, наконец, уже совершилось, тут началась для Лешки и других ребят новая полоса, над которой взрослым читателям надо призвудать гораздо ярче, чем детям.

Оказалось, что жить в тепле и заботе, учиться, быть одетым и сытым — мало. Человеку — выше стыти!... — так сказал устами своего героя еще Горький, и Лешка с товарищами, хотя и не читавшие Горького, ощущали именно это! Их недовольство выражалось одним словом: «Скучно!» В детдоме усилиями директора Людмила Сергеевны, педагогов и самих воспитанников этой неудовлетворенной творческой энергии ребят был найден выход: в труде. Но в школе дело обстоит гораздо хуже. Там царил казенщина, глубоко формалистический подход к воспитанию. «Наша, чтоб учиться было расточно, трезно и побойно!» — говорил когда-то писатель Б. Житков. В школе же, где учился Лешка, не было ни радости, ни трезнота, ни настоящей победы. Главным наследием скуки был старинный пионерский жакет Гавейский, равнодушный карьерист, сыплющий готовыми формулировками, а

порой даже оными обрывками этих формулировок: «Мы е (молодья... А. Б.) воспитываем в духе беззастенчивой преданности... Мы воспитываем подрастающую смену в свете высшеуказанных указаний». На пионерских сборах школьные докладчики читали по бумажке доклады, написанные для них Гавейским, а в прениях по докладам несколько школьных читателей по бумажке же свои мысли об учебе и дисциплине, написанные для них тем же Гавейским. «Ни жук у вас все докладчик!» — возмущался учитель Викентий Навионич. — «Этакже спалившие старички...»

Спасения от скуки ребята ищут, как всегда и везде, в романтике, во всем, что они читали и полюбив хорошего: в таинственности тумурцев, в дивные Саня Григорьев из «Два капитана». Создается тайное общество «Ф» (Футурум — будущее) с девизом «В.З.У.Д.» (Видеть! Знать! Уметь! Делать!), и четыре его члена изучают (на шум) морское дело, как будут в будущем стать капитанами... На берегу реки Гавейского поплавать безобиднейшей, но таинственно-непонятная записка члена общества «Футурума», — и Гавейский поднимает в школе десятилетний шторм в спорные от вышенного яйца! Его поддерживает в этом инструктор горно, бывшая воспитательница детского Дроздок. Это великопено выписанный образ. Ханжа и перестраховщица. Дроздок о себе говорит скромно: «Я не претендую на роль героя». Мне достаточно, если меня ценят и уважают в органах народного образования». Гавейский и Дроздок прилагают все усилия к тому, чтоб раздуть дело с таинственной запиской до размеров «идеологического заговора!» Характерно для Гавейского, что злополучную записку он получил от лешкиного одноклассника — Юрия Трышко. Образ его лишь мейком возник в повести, но какой большой смысл вложил в него писатель. Юрка видел, как Лешка уронила записку, но не сказал Лешке об этом. Юрка раскрыл записку, не полая ее, не спросил у Лешки, что она означает. Подозревая Лешку в чем-то предосудительном, Юрка не поделился этим с классом, с товарищами, — он применно побегал в учительскую и потихоньку перелал записку Гавейскому. А когда Лешка спросила у Юрки, не видел ли он оброненной им записки, Юрка невинно солгал, что нет, не видел. Таков Юрка — мальчик со широким открытым, словно радостно удивленными глазами и почти постоянной улыбкой, от которой на щеках прорезывались

ямочки». Это — личина будущего клеветника, и Гавейский воспользуется им.

Выдумал ли всю эту историю Дубов? Окарикатурил ли он воспитательницу Дроздок, старшего вожатого Гавейского? Нет, Дубов честно и талантливо описал явления, от которых мы до сих пор еще не совсем освободились. Он острогостро школу и пионерскую организацию от возможности — и кое-где наблюдаемой — опасности угашения творческого духа в работе, от умерщвления ее под влиянием казенного подхода к живому делу. «Это что, по Макаренко? Он устал...», — безапелляционно заявляет Дроздок. Нет, драгоценное наследие Макаренко живо, но все еще злобствует кое-где охвостье тех, кто при жизни травил этого незабываемого педагога, писателя и человека.

Но если никак нельзя упрекнуть в неправдивости писателя, весомо и сильно поставившего вопрос о страшном вреде равнодушия и казенщины в таком жизненно важном для народа деле, как воспитание детей, то его можно и нужно упрекнуть за то, как он разрешил эту проблему. Нет, направление, в котором она решена, безусловно соответствует правде жизни. Конечно же, хорошие советские педагоги, вроде Викентия Навионича и Людмилы Сергеевны, не дали пропасть мальчику Лешке, но как все это сравнительно легко происходит в повести! Только-только завязалась вся эта животрепещущая канитель, как вдруг в дело вступает секретарь горкома Гущин, и вот уже Дроздок получила решительный отпор, а в школе появился новый идеальный пионерский тип, образ которого построен так, как строится в математике «доказательство от противного». Против подобной облегченности в борьбе со злом следует решительно протестовать молодого писателя.

Отлично написаны Дубовым многие детдомовские ребята и школьники. «Мужичок» Гавейский. Третьебальная к себе и другим Кира, в душе которой автор тончайшим пунктиром намечает предшествующую первой полудетской любви к Лешке, «Домашний мальчик» Витька, влюбленный сегодня в Наташу, завтра — в Клару, а после завтра, к своему ужасу, — в обещ! Валет, для которого автор нашел своеобразный способ «перевоспитания»: перевоспитавшийся Валет стал невнимос для окружающих, доверяет их равнодушиям, а главное, попытками «стать оратором» («Буду говорить, пока не поессею, а все одно научусь...»).

Очень удалось Н. Дубову образам совсем маленьких ребят: Милочки, престелной стайки младших детдомовцев, «галчат», даже появляющегося лишь на короткой мы «шоколадного мальчишка» на пляже! В детдомовской спальне Н. Дубов слышит, как она «попона тихого детского дыхания», — то же тихое дышание поэзии слышит он во всем, что касается детей.

Мыслим хорошо относимся к автору, чтобы умолчать о недостатках повести. Об одном — серьезном — уже говорились. Хотелось бы обратить внимание писателя и на другие. Повесть «Сирота», текущая все время, как река с неожиданными излучинами и поворотами, в самом конце распадается, оплет-таки, как река, на несколько параллельных рукавов. Из-за этого в повести оказывается несколько концов: приход нового старшего вожатого и обновление пионерской организации школы, уход из детдома Алены, картфельное новаторство Тараса, отъезд инструктора по труду Устина Захаровича, вынуди которого, потерянные в войну, наконец, отсылались, поход в рыболовецкий колхоз — все эти расстреляны, не связанные друг с другом концы приводят, как мне кажется, к несомненному спаду читательского интереса.

В одном месте повести Н. Дубов очень метко критикует те детские книги, которые представляют собой «сборники задачек по поведению, примеров того, что нужно и похваляло делать детям и что делать нельзя и непохвально». Однако не кажется ли автору, что большинство параллельных концов (уход Алены и другие) его повести несет в себе черты сходства с такими задачками и примерами?

Еще недостаток — неадекватность некоторых важных для повести образов, как Митя Ершов и Яша Брук. Увидеть их трудно, — для этого надо бы снять очки с Яши Брука, но без очков этот мальчик теряет уже всякую «неопеваемость, грубость, зримость». Совсем непонятно, для чего существует в повести Витковский, — неужели только для того, чтобы развлекать и получать пощечины? Думается, что Н. Дубов имеет все шансы в отдельном издании книги. В целом же повесть его, безусловно, обладает всеми, кому дорога детская литература.

Вокруг переговоров в Москве

Газеты Германской Федеральной Республики и газеты Германской Демократической Республики печатают многочисленные материалы, посвященные переговорам в Москве, — изложение речей глав и членов делегаций, информационный материал, фотоснимки, сообщения своих корреспондентов, комментарии внешнеполитических обозревателей.

Характерно, что многие западногерманские газеты — мы уже не говорим о печати ГДР — подчеркивают трезвость и реалистичность предложений советской делегации по нормализации отношений между Советским Союзом и Германской Федеральной Республикой, об установлении дипломатических отношений, о развитии торговли, установлении и развитии научного, культурного и технического сотрудничества.

В этой связи весьма знаменательны первые отклики западногерманских журналистов на переговоры в Москве. В их статьях упоминаются слова «контакт», «нормализация», «улучшение обстановки», «коллективная безопасность», «трезвые предложения». Большинство газет подчеркивает, что переговоры проходят в «деловой атмосфере» и что они показывают «общую заинтересованность в установлении экономических отношений».

Выходящая в Дортмунде западногерманская газета «Вестдэйчс тегблат» подчеркивает в передовой статье, что «результаты московских переговоров будут зависеть от того, готов ли канцлер и в состоянии ли он уже теперь начать проведение нейтральной политики, которая соответствовала бы центральному положению Германии».

Правильную оценку советским предложениям дала печать Германской Демократической Республики. Так, например, газета «Берлинер цейтунг» пишет, что «успех московских переговоров зависит от того, ответит ли Аденауэр на ясные предложения Советского Союза о нормализации отношений». Далее газета подчеркивает, что, если бы эта проблема была урегулирована, «одновременно был бы сделан важный шаг на пути к восстановлению единства Германии».

Большую статью посвящает переговорам в Москве газета «Нейс Дейчланд». «С принятием парижских соглашений, — сказано в статье, — Западная Германия вышла в военные группировки — так называемый Западноевропейский союз и Североатлантический пакт. Парижские соглашения представляют главное препятствие для мирного, демократического объединения Германии».

В другой статье «Нейс Дейчланд» выступает против попытки канцлера Аденауэра представить дело так, будто только он и его правительство могут говорить от имени всей Германии. Газета подчеркивает, что Германская Демократическая Республика уже имеет прочные дружественные отношения с Советским Союзом.

О необходимости нормализации отношений между Советским Союзом и Германской Федеральной Республикой пишет и газета «Нейс цейт», подчеркивая, что и Германская Демократическая Республика приветствовала бы установление дипломатических, экономических и культурных отношений между Советским Союзом и ГФР, так как это могло бы способствовать и воссоединению Германии. А газета «Дер морген», ком-

ментируя в передовой статье заявление Н. А. Булганина в первый день переговоров, пишет, что это заявление является программой нормализации отношений между Советским Союзом и Западной Германией.

И газеты Германской Федеральной Республики приводят веские аргументы в пользу установления нормальных отношений между СССР и ГФР. Редактор западногерманской газеты «Телеграф» Арно Шольц пишет, что русские хотят «установления дипломатических отношений, чтобы разрешить, наконец, неурегулированные проблемы без войны». Судя по этим высказываниям, многие в Западной Германии, в том числе представители промышленных и торговых кругов, заинтересованы в том, чтобы в Москве было обеспечено посольство, а в Бонне — советское и чтобы товарные поставки между Москвой и Бонном курсировали бесперебойно и регулярно.

Западногерманская газета «Дер фольксваг», выражая настроения части западногерманских деловых кругов, пишет: «Нормализация отношений между Советским Союзом и Западной Германией будет способствовать расширению выгодных для обеих сторон торгово-экономических связей».

Западногерманская газета «Гессисе цейтунг» показывает выгоды, которые получила бы западногерманская экономика в случае установления дипломатических и торговых отношений между Советским Союзом и ГФР. «В условиях углубляющегося кризиса международной конъюнктуры, — пишет газета, — такая интенсификация в области экспорта промышленности, как промышленность ГФР, должна неистово стараться получить новые рынки сбыта. Выручки экономических кругов обращаются на огромный закупочный и потребительский потенциал Советского Союза и государств Восточной Европы». Выступая за расширение торговых отношений между Советским Союзом и Западной Германией, газета «Берлинер виртшафтсблат» замечает, что в обстановке налаженных политических и экономических связей «всегда было возможно найти путь к разрешению проблем, тогда как бряцание оружием заканчивается хаосом».

В связи с переговорами многие вновь поднимают вопрос о том, что создание вермахта и включение Западной Германии в агрессивные блоки помешают достижению единства, в котором так нуждается немецкий народ. «В создавшихся условиях, — пишет социал-демократическая газета «Вестфалише рундschau», — единство Германии может быть достигнуто в будущем

только при условии, если существующие в настоящее время оба германских государственных образования останутся в стороне от военных коалиций, направленных против Востока или против Запада». «Политика реинтеграции», — продолжает газета далее, — если она не будет изменена, лишь затруднит воссоединение Германии».

Наконец, читая западногерманскую прессу, нельзя не отметить, что некоторые газеты подвергают критике политику, мешающую нормализации отношений между Советским Союзом и Германской Федеральной Республикой. Многие, например, считают недуманной проблему так называемых военнослужащих, остающихся в плену.

В критическом тоне выдержаны несколько статей, опубликованных газетой «Рейншпигель-Вестфалише нахрихтен». Артур Штегнер озаглавил свою статью в этой газете «Безопасность и воссоединение». Штегнер призывает «ликвидировать существующие неясности в вопросе о взаимоотношениях между воссоединением Германии и европейской безопасностью». Критику создание вермахта и политику раскола, Штегнер заканчивает свою статью следующим утверждением: «Пока резкая граница между военными блоками Востока и Запада проходит через центр Германии, всякий военный конфликт превратит бы Германию в поле битвы. Но если удастся смягчить военные блоки на германской земле... то в этом случае Германия могла бы превратиться в очаг мирного развития».

Критика в адрес некоторых политиков, не желающих трезво оценивать обстановку, сложившуюся сейчас в мире, содержится в статье Германа Шефера, опубликованной в той же газете «Рейншпигель-Вестфалише нахрихтен». Эти политики, пишет Шефер, «конечно, не предвидели, что осуществление и разрядка так быстро изменит всю картину и всю атмосферу на земном шаре». Таким политиком, продолжает далее Шефер, «трудно будет назвать, кто их дивизию уже не имеют того значения, которое они ожидали от них», и что, имея в кармане договор НАТО, «ничего нельзя было сделать для воссоединения». Осуждая «дипломатическую силу», Шефер заявляет, что на пути политиков, не желающих единства Германии и нормализации отношений между СССР и ГФР, возникают все большие трудности.

Комментируя ход переговоров, многие западногерманские газеты подчеркивают значение нормализации отношений между СССР и ГФР не только для немецкого народа, но и для всей Европы. Газета «Зюддэйчс цейтунг» пишет, что «за прошедшими в Москве переговорами между представителями Советского Союза и Германской Федеральной Республики напряженно следят не только в Германии, но и во всем мире».

И во восторге ГФР они являются «новой главой». Западногерманская газета «Франкфуртер рундschau» отмечает, что «поздкий Аденауэр в Москву и с переговорами с правительственной делегацией Советского Союза все миролюбивые немцы связывают свои лучшие надежды». Общественное мнение в Германской Федеральной Республике и в ГДР с неослабным вниманием следит за ходом переговоров между делегацией Советского Союза и Германской Федеральной Республикой.

Мужественное искусство

Приезда из Германской Федеральной Республики камерного оркестра под управлением Вильгельма Штресса московская публика ждала с горячим интересом. Это не удивительно. Любовь к камерной музыке давно стала у нас традиционной, да и пропаганда произведений старинных мастеров, которой посвящена себя этот ансамбль, неизменно окружена большими симпатиями. О высокой культуре камерного исполнительства в Германии мы знали давно. Автору этих строк еще раз пришлось убедиться в этом, побывав в ряде немецких городов — Берлине, Дрездене, Веймаре, Дрездене.

Добавим к этому, что приезд оркестра Вильгельма Штресса явился продолжением знакомства с искусством немецких исполнителей, отмеченного в последние годы гастролями таких выдающихся музыкантов из ГДР, как Ф. Конвичный, Г. Абендурт и коллектив Томанер-хора во главе с крупным истолкователем произведений Баха — доктором Гюнтером Райномом.

Большой интерес привлекли и программы предстоящих концертов камерного оркестра. Видно, что основной местной задачей ансамбля Баха — К. чести ансамбля надо сказать, что он сумел подобрать разнообразный и ценный репертуар, включив в него редко исполняемые произведения. В нем представлены и Телеман — тот самый, которого Ролан Ролан называл «счастливым соперником Баха», и генеральные итальянцы — Перголези и Корелли, и сыновья великого Баха...

Большая заслуга оркестра Вильгельма Штресса заключается в том, что он исполняет произведения Баха и других композиторов XVII—XVIII веков в их подлинном звучании. Ведь многие видные дирижеры и оркестры с мировой известностью позволяют себе «приукрашивать» Баха, расцвечивая его партитуры добавлением таких сугубо современных инструментов, каких сам Бах и не знал... Мы вновь убедились в том, сколько прелести и своеобразия в звучании «забытых» инструментов, например чембало или виолы да-гамба.

Первый же вечер вполне оправдал ожидания. Оркестр показал себя не только превосходным ансамблем, но и суммой лучших солистов. Именно это позволило ему так выразительно «проинтерпретировать» генеральные ричеркари из «Музыкального жертвоприношения» Баха. Это было вдохновенное и глубоко сердечное повествование. Интенсивность, насыщенность звучания, рельефность и гибкость полифонического рисунка удивительны.

Радостное впечатление оставило исполнение шестого Бранденбургского концерта. Отказавшись от мелочной детализации, оркестр выявил величественные контуры баховских мелодий с неподдельной гибкостью. Хотелось бы отметить, что при этом исполнителю удалось избежать пресловутой манеры ансамбля: бодрость, полнокровность и внутреннюю дисциплину ритма.

Сюита Баха си-минор покорила слушателей разнообразием и широтой музыкальных характеристик. Оркестр интерпретировал ее как ряд прелестных жанровых картин, которые тем более впечатляли, что были полны простоты и неприукрашенности подлинно камерного музицирования. Большому успеху исполнения сюиты способствовало участие прелестного солиста Вальтера Тойера (Флейта).

Душа оркестра — Вильгельм Штресс, лауреат премии Мендельсона, крупный скрипач, выдающийся немецкий музыкант. Вильгельм Штресс хорошо известен как превосходный знаток и талантливый интерпретатор старинной музыки. На всей работе руководимого им оркестра лежит отпечаток большого вкуса, отличного чувства стиля.

10 сентября в Малом зале он выступил как солист в двух концертах Баха. Его исполнение подкупает художественным тактом, органичным слиянием с ансамблем. Впрочем, можно не согласиться с темпами, которые он избрал в первой и третьей частях концерта ре-минор: они показались слишком подвижными. Мы привыкли представлять себе эту музыку более торжественной и величавой...

Вся программа вечера 10 сентября, имевшего большой и вполне заслуженный успех у публики, состояла только из произведений Баха. Но аудитория услышала не голос прошедших веков: это было искусство, вечно юное, живое и мудрое!

Профессор Яков ЗАК

„Дух Женевы“ и настроения в Англии

Лондонская газета «Дейли миррор» опубликовала недавно статью Кета Уотерхауса. Автор резко осуждает и высмеивает тех английских журналистов, которые пытаются возродить атмосферу «холодной войны», посеять пессимизм и недоверие к перспективам развития международных отношений.

«Холодная война» лежит в луже, а «железный занавес» изъеден молюсками, — пишет Уотерхаус. — Восток улыбается Западу, а Запад улыбается в ответ. Мир — гудит во нем ладными глазами — царит на земле. Мне кажется, что это повод для осторожной радости, но некоторые встретят этот новый дух с циничной улыбкой, и для них в полах дружбы слишком много шипов. Они древооточны на оливковой ветви. Они встречают протянутую им руку громким хором: «Это старая, старая история. Они провозглашают уходящий девятый век приращиванием языков и покачиванием головами...».

«Дейли миррор» называет имена таких рыцарей «холодной войны». Это, по словам Уотерхауса, Аластер Форбс в «Санди дэйли», Филип Симмс, комментатор Врост в газете «Рикордер», карикатурист Халлингтон в «Дейли мейл», Ян Кольвин в «Санди экспресс»...

Мы так подробно цитируем статью английского журналиста, высмеивающего попытку продолжить «холодную войну», потому, что его высказывания отражают настроения, широко распространенные в Англии.

Об этих настроениях пишут многие очевидцы, многие наблюдатели. Несколько дней назад корреспондент американского агентства Ассошиэйтед Пресс Сеймур Топинг, который постоянно и не пребывает в Лондоне, посвятив одну из своих телеграмм за океан характеристике английских настроений, что произошло в глаза Топингу? «В эти дни в Лондоне не принято упоминать о «холодной войне» или говорить дурно о русских, — рассказывает он. — В разговорах, в политических речах и в газетах редко слышишь такие слова, как «советская угроза». «Дух Женевы», повидимому, завоевал такое прочное положение в стране, что американские должностные лица и некоторые должностные лица в Англии встревожены этим». Топинг признает, что если кто-либо пытается «предостерегать против чрезмерного оптимизма», то «подобные предостережения тонут в общем хоре восхищения «новым курсом» советской политики».

Нетрудно заметить по тону, что Сеймур Топинг явно недоволен... Но уже тот факт, что он пишет об этом, является еще одним, пусть косвенным, подтверждением популярности «духа Женевы».

То, что Топинг называет «новым курсом» советской политики, — это на самом деле последовательная осуществляемая миролюбивая линия Советского Союза, его конкретные шаги, направленные к ослаблению международной напряженности.

«Дух Женевы» действительно завоевал прочные позиции в Англии (как и в ряде других стран). Если это обстоятельство вызывает чью-либо тревогу, то только тех «древоточен на оливковой ветви», о которых пишет «Дейли миррор».

Некоторые своеобразные высказывания английской печати в последние дни заключаются в том, что она связывает разрешение ряда сложных экономических проблем, возникающих перед Англией, с «духом Женевы». Подчеркивается, что восстановление доверия между отдельными государствами, решение спорных вопросов путем переговоров, ослабление международной напряженности позволяют ослабить бремя военных расходов, расширить торговлю с другими странами.

Выступая 27 августа на собрании членов консервативной партии, британский премьер-министр Хенри Ховард говорил об усилении экономических затруднений в Англии. Тот же предмет специально обсуждал 5 сентября на заседании кабинета. Там было сказано, что в связи с резким сокращением золотого запаса и угрозы инфляции правительство вынуждено предпринять новые жесткие меры экономии. Газеты «Файненш таймс», «Дейли телеграф энд Морнинг пост» подчеркивают, что до заседания кабинета премьер-министр предельно консультативно консультировался с министром иностранных дел Макмилланом, министром финансов Батлером и министром внутренних дел Ллойд-Джорджем. Среди мер, которые собирается осуществить правительство, называют введение новых налогов, ограничение кредита на гражданское строительство, введение импортных ограничений, замораживание заработной платы. Теперь, как считает «Ньюс крикник», надо ожидать нового повышения стоимости ряда товаров широкого потребления и продовольствия. Корреспондент газет Джерри Гудман пишет, что непрерывный рост дороговизны отражается не только на низкооплачиваемых слоях населения, но и на так называемой «средней прослойке». «Дейли экспресс» отмечает, что увеличение подоходного налога прежде всего ударит по людям с ограниченными доходами и увеличит дороговизну.

Задумываясь над всем этим, англичане не могут не искать выхода из тупика экономических затруднений. Многие справедливо указывают, что сокращение военных расходов и уменьшение численности воо-

руженных сил позволили бы добиться значительной экономии. Страна получила бы возможность тратить больше средств на развитие мирных отраслей промышленности, а следовательно, увеличить экспорт товаров за границу. Такое мнение высказывает печать различных направлений. Орган деловых кругов газета «Файненш таймс», например, советует правительству сократить чрезмерные военные расходы, пишет: «...Правительство несет ответственность за большие расходы, которые необходимо урезать. Самые явные примеры напрасной траты государственных средств относятся к программе обороны... Сокращение срока обязательной военной повинности на шесть месяцев было бы равносильно увеличению национальной продукции больше чем на 40 миллионов фунтов стерлингов в год». Подчеркивая, что Англия не нуждается в «большом количестве людей под ружьем и в большом количестве новых самолетов», газета заявляет: «Она скорее нуждается в капиталовложениях с целью экспорта, в том, чтобы больше людей работало в промышленности».

Английская печать справедливо считает, что ослабление международной напряженности создало предпосылки для сокращения вооружений. В последнее время в Англии много говорят о решении Советского правительства и правительства ряда стран пародной демаркации значительно сократить свои вооруженные силы. На страницах многих газет и журналов, призывающих Англию последовать этому примеру, печатаются наглядные иллюстрации. Таблицы и диаграммы показывают, сколько школ может быть построено вместо одного военного самолета, сколько больниц и жилых домов — вместо одного военного корабля. А ведь известно, что английские трудящиеся испытывают острый недостаток и в жилых домах, и в школах, и в больницах.

Но определенные круги хотят сохранения в Англии значительных вооруженных сил. Не случайно именно сейчас, когда в Нью-Йорке на заседании подкомитета Комиссии ООН по разоружению обсуждают советские предложения о сокращении численности вооруженных сил и запрещения атомного и водородного оружия, ряд английских газет начал кампанию против сокращения британской армии. «Английское правительство должно подходить к сокращению стрелковых частей. Большое сокращение срока военной повинности, по-видимому, было бы неразумным этой зимой», — утверждает газета «Манчестер гардиан», не приводя, впрочем, никаких доводов, подкрепляющих эту точку зрения.

Английская общественность требует расширения торговли между Англией и Советским Союзом, торговли с Китаем, а также странами народной демократии, видя в этом надежный способ разрешения экономических трудностей. Интересно, в частности, заявление представителя экспортной организации в английской автомобильной промышленности Грант-Крофтона: «Предстоящая будущая весна поездка Н. А. Булганина и Н. С. Хрущева в Англию уже смягчила торговый климат». Директор крупнейшей английской фирмы по экспорту дизелей и электротехнических установок Майлс Бивор, как сообщает лондонский корреспондент американского журнала «Экспорт Трейд энд шиппер», недавно с похвалой отзывался о Советском Союзе, указав, что СССР всегда быстро расплачивается за товары, купленные в Англии. Бивор настаивает на восстановлении торговли между Англией и Китаем, подчеркивая, что английский экспорт мог бы получить выгодные рынки в условиях, когда мир обеспокоен от угрозы атомной войны и водородной бомбы и вернется на путь торговли и мира».

«Обсуждением от угрозы атомной войны и водородной бомбы» — к этому стремятся миллионы людей в Англии. Движение за запрещение атомного и водородного оружия приобрело огромный размах в стране. Пожалуй, ни в одном вопросе люди различных профессий, разных политических взглядов и убеждений не были никогда так едины, как в этом. Члены разных партий — от консервативной до коммунистической, представители духовенства, всевозможные общественные организации направили в парламент резолюции и послания с требованием запретить производство и применение атомных бомб.

Миллионы людей в Англии устают от постоянного напряжения, от вечного страха, от тягот, которые возлагают на них главы вооружений. Женевское совещание Главы правительства четырех держав ведало в сердцах людей надежду на то, что их стремление к миру осуществится.

Сохранить «дух Женевы» и идти дальше по этому пути — воля миллионов людей в Англии.

Правление Союза писателей СССР и Московское отделение СП с глубоким прискорбием извещают о скоротечной смерти писателя, лауреата Сталинской премии

Иосифа Исааковича ЛИКСТАНОВА,
после продолжительной болезни скончавшийся 11 сентября в Свердловске, и выражает свое искреннее соболезнование семье покойного.

Главный редактор Б. РЮРИКОВ.
Редакционная коллегия: Ч. Б. АФАНОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ.

НОВЫЕ ТЫСЯЧИ ПОДПИСЕЙ

Друзья мира во Франции продолжают сбор подписей под Обращением Всемирного Совета Мира против подготовки атомной войны. Сообщения, поступающие из Франции, показывают, что все больше французов требуют запрещения атомного оружия.

Такое требование единодушно высказало все население французского города Орлеан-сюр-Глан. Только за один день в XIV округе Парижа было собрано 760 подписей. На заводе Рено в 18-м округе Обращение подписали почти все рабочие. С большим подъемом проходит сбор подписей в департаменте Уаза. В городе Шомон-ан-Вексен под Обращением поставили свои имена 95 процентов жителей. Среди активных борцов за мир — местный крестьянин Кайе, директор школы социалист Лежон и другие. Ученица лицея в Бове Мари-Жанна во время каникул обехала на мотоцикле ряд сельских коммун департамента Уаза; в Три-Шато только за одно утро она собрала сто пятьдесят подписей.

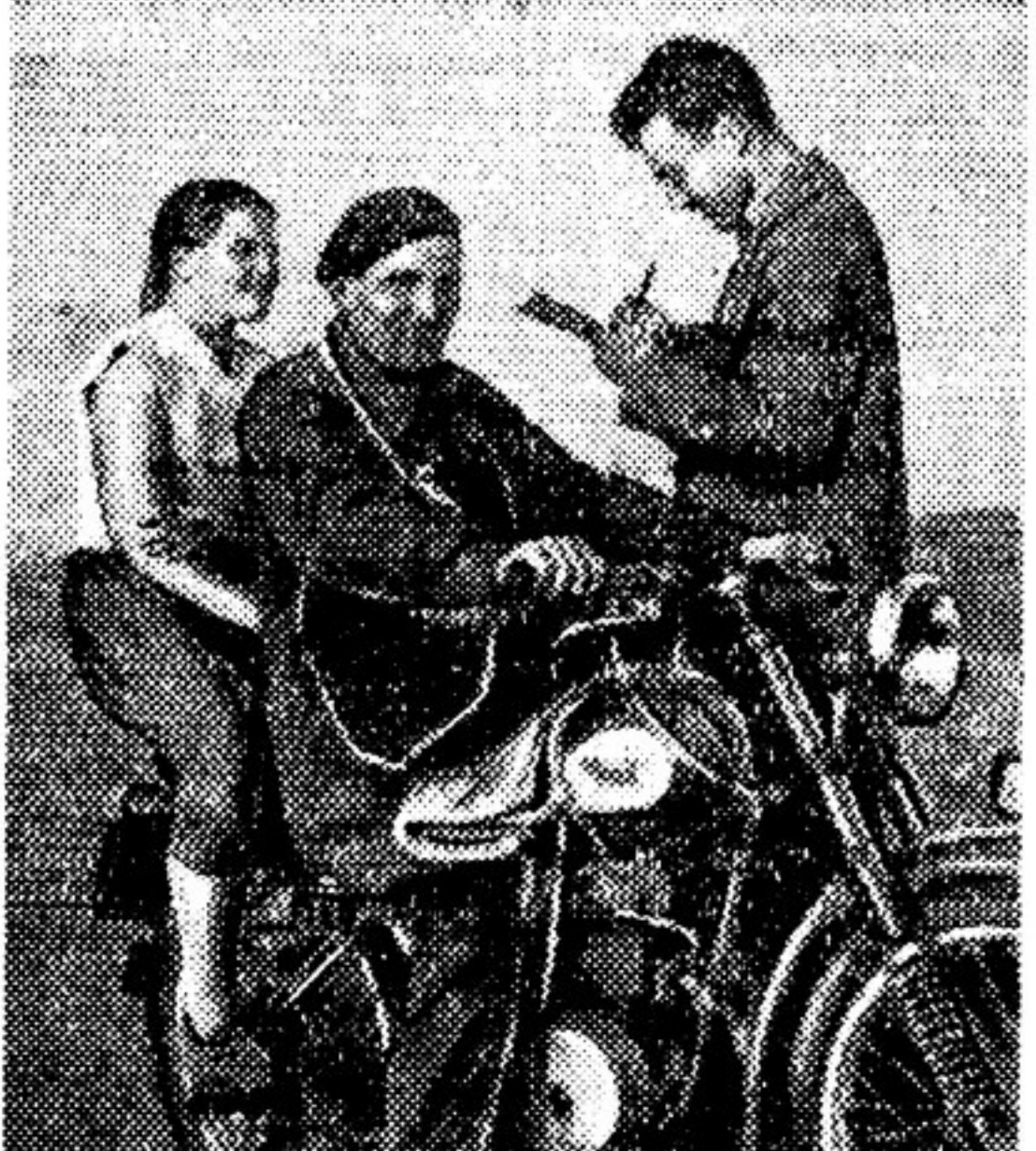
Французская общественность горячо желает дальнейшего смягчения международной напряженности. Свыше двухсот жителей Парду-ла-Круазиль (департамент Коррез) обратились с письмом к французскому министру иностранных дел. В послании говорится, что население Парду-ла-Круазиль твердо рассчитывает на успех предстоящего в октябре Совещания министров иностранных дел четырех держав. Авторы письма особенно подчеркивают необходимость безоговорочного запрещения оружия массового уничтожения.

Общественное мнение в Германской Федеральной Республике и в ГДР с неослабным вниманием следит за ходом переговоров между делегацией Советского Союза и Германской Федеральной Республикой.

И во восторге ГФР они являются «новой главой». Западногерманская газета «Франкфуртер рундschau» отмечает, что «поздкий Аденауэр в Москву и с переговорами с правительственной делегацией Советского Союза все миролюбивые немцы связывают свои лучшие надежды».

Вся программа вечера 10 сентября, имевшего большой и вполне заслуженный успех у публики, состояла только из произведений Баха. Но аудитория услышала не голос прошедших веков: это было искусство, вечно юное, живое и мудрое!

Профессор Яков ЗАК

На снимке: ученица лицея в Бове Мари-Жанна, обезвешая на мотоцикле окрестные деревни, собирает подписи под Обращением Всемирного Совета Мира. Снимок из французской газеты «Юманите»

Русские классики за рубежом

Книга профессора Колумбийского университета Дороти Брустер «Путь с Востока на Запад» посвящена вопросу о влиянии русской литературы на литературу США и Англии. Интерес и значение этой темы очевидны как для русских, так и для иностранных последователей. Знакомство с произведениями Тургенева, Толстого, Достоевского, Чехова, Горького было для многих английских и американских писателей поворотным пунктом в их творчестве. Существенные черты новейшей европейской и американской литературы не могут быть поняты без учета влияния русской реалистической школы.

История литературы в Англии и США имеют некоторые успехи в разработке этой темы. Дороти Брустер опирается в своей книге на работы Ройла Гетмана «Тургенев в Англии и в Америке», Хален Мэйнинг «Достоевский в Англии», Донниела Реннера «Влияние Тургенева на Герри Джеймса». Она ссылается также на еще не опубликованные докторские диссертации американских ученых Карла Лефевра «Горький в Англии и Америке за сто лет (1841—1941)» и Аллена Смита «Художественные произведения Толстого в Англии и Америке». Привлечена и журнальная литература.

Рецензируемая работа построена по преимуществу в историко-описательном плане и излагает фактическую сторону вопроса.

Анализ культурных связей Дороти Брустер начинает с первых грамматики русского языка, появившихся в Англии в самом начале XVII века. Она рассматривает разнообразные высказывания о России английской, а затем и американской публицистики XVIII века. Эти высказывания свидетельствуют о росте интереса к западным стран в России. Знакомство с русской художественной литературой начинается в Англии с хорошо известных в истории англо-русских литературных отношений «Образов русской поэзии» Джона Бауригга, вышедших в 20-х годах прошлого столетия. Далее следуют переводы стихотворений Пушкина и статьи о нем Тома-

са Шоу, которые печатались в 40-х годах. В течение 50-х годов появляются переводы прозы Пушкина. Герой нашего времени Лермонтова и рассказы Гоголя. Затем наступает знаменательный «тургеневский период», который автор освещает живо и с достаточной полнотой. В 1855 году Ликенс помещает в своем журнале «Хауэланд Мериде» переводы из «Записок охотника». В 1858 году Тургенев посещает Англию и встречается с Теккерем. В течение десяти лет англичане и американцы нетерпеливо выжидали в Тургенева, пока наиболее пронительные из людей искусства не приходил к выводу, что реализм Тургенева есть то новое слово в художественном познании жизни, без принятия которого они не смогут двинуться вперед.

Убедительно группируя материал, автор показывает, что если до этой поры американские читатели черпали свои сведения о русской литературе главным образом из английской печати, то «борьба за Тургенева» переместила центр популяризации русской литературы в США. В 70-х годах разветвляется энергичная пропаганда творческого метода Тургенева, которую одновременно ведут три выдающихся деятеля американской литературы этих лет: писатели Герри Джеймс, Уильям Дин Хоуэлл и критик Томас Перри. Перри уже немалодушно приступает к изучению русского языка, чтобы читать русскую литературу в подлиннике.

Русский роман оказывает сильное влияние на развитие реализма в Европе и Америке в последние десятилетия XIX века. В 80-х и 90-х годах публикуются на английском языке основные произведения Толстого и Достоевского. Творчество Толстого завоевывает сразу высочайший авторитет в широких общественных кругах Англии и США и становится знаменем борьбы за социально насыщенный реализм. Распространение влияния Достоевского относится, главным образом, к XX веку. Однако уже Гиссинг в книге о Ликенсе прямо говорит, что Достоевский раскрывает те стороны жизни, которых Ликенс «или не хочет видеть, или лишь касается с грустным вздохом».

Проблема влияния Толстого и Достоевского на литературу Запада принадлежит к сложным историко-литературным проблемам. Слабость историко-описательного метода автора, не выходящего за пределы собственно литературных отношений, не позволяет раскрыть социальную сторону этой проблемы. Отсюда и бедность выводов, разочаровывающая читателей. Впрочем, это недостаток многих американских историко-литературных работ последнего десятилетия.

Следующий период литературных отношений, рассматриваемых в книге Дороти Брустер, связан с Чеховым и затем с Горьким. Творчество Чехова стало примером художественного новаторства для целого поколения художественной интеллигенции в Англии и США и способствовало глубоким изменениям в драматургии и повествовательстве. Характерные высказывания, приведенные автором, показывают, что сначала рассказы Чехова и Горького озадачивали американских литераторов, воспитанных на традиционной повеле в подчеркнутом обостренном сюжете. Из дальнейшего изложения видно, как родилось новое направление в американской новеллистике, которое сама американская критика назвала «русским» или «чеховским» и художественные результаты которого ярким образом сказались в творчестве Шервуда Андерсона, Хемингуэя и других.

История влияния и популярности Горького в Англии и США образует непосредственный переход к истории литературных взаимоотношений новой советской эпохи. В книге собран интересный материал за последние десятилетия. Материал этот дан от полноты и подчас лишен объективности исторического освещения. Однако он трактуется объективно и дружелюбно. Это в особенности следует отметить потому, что современная литературная тематика не раз была использована в США и Англии для невежественных и злобных выпадов против советской культуры.

Хотя написанная в книге Дороти Брустер картина связей английской и американской литератур с русскими писателями в основных чертах известна, автору удается обогатить уже разработанные те-

мы новым материалом и заново поставить некоторые вопросы. Комментируя известное обращение Уолта Уитмена к русскому народу, написанное для русского издания «Листьев травы», автор сообщает о русских руках Уитмена, хранившихся в библиотеке конгресса. Эти рукописи содержат конспекты и заметки по географии, экономике и социальному быту современной Уитмену России и свидетельствуют о глубоком интересе поэта к русской теме.

Автор указывает, что первый английский перевод «Староветских помещиков» появился в 1855 году в Ирландии, в Дублине, вместе с вводящей статьей, посвященной творчеству Гоголя. Следует задуматься над вопросом о роли русского реализма в развитии литературы социального протеста в Ирландии XIX века. «Ненапаханное поле» Джорджа Мура, книга рассказов о немилующей ирландской деревне, была написана под прямым воздействием «Записок охотника», и Джейкс раннего реалистического периода, автор «Дублинцев», многим обязан Чехову.

Нельзя не пожалеть, что недостаточное знакомство автора с русским материалом мешает ему с надлежащей полнотой характеризовать некоторые важные эпизоды культурных взаимоотношений. В книге приводятся отклики американской прессы 20-х годов XIX века на книгу о США, написанную автором, скрывшим свое имя под псевдонимом «Русский». Однако для анализа и оценки этого выступления (знаменательного, кстати, очень видного места в ранней европейской литературе о США) необходимо знать, что автором книги был видный представитель русского образованного общества П. И. Полятика, «арамазон» близкий к Жуковскому и Пушкину.

Дороти Брустер пишет в предисловии к своей работе, что она ставила перед собой задачу — собрать материал и дать толчок будущим исследованиям на ту же тему. Без сомнения, эта попытка должна встретить одобрение и поддержку со стороны ученых — историков и литературоведов, работающих над изучением связей и взаимодействия национальных культур.

А. СТАРЦЕВ

Dorothy Brewster. East West. Passage. London. 1954.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51. Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы литературы и искусства — К 4-02-29, внутренней жизни — К 4-84-28, К 4-72-58, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, прием — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутор — К 5-00-00.